

*Библиотека
исторического романа*

Ю.И. Андреева

СВЯТЫ И ПРОКЛЯТЫ

Юлия Игоревна Андреева
Святы и прокляты
Серия «Библиотека исторического романа (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17128881
Андреева Ю.И., Святы и прокляты: Вече; 2015
ISBN 978-5-4444-1904-5

Аннотация

В мае 1212 года, когда немецкое народное войско прошло через Кёльн, в его рядах насчитывалось около двадцати пяти тысяч детей и подростков, направляющихся в Италию, чтобы оттуда морем достигнуть Палестины. «За море, где Бог», шли маленькие крестоносцы, ведомые своей невероятной мечтой. Кто же отправил их в этот путь? Бог, дьявол или человеческое бессердечие заставило детей покинуть семьи, чтобы умирать на дорогах или быть проданными в рабство? Об этом узнают летописцы замка «Грех», пишущие повествование об императоре Фридрихе II, и расскажут в назидание потомкам...

Содержание

Глава 1. Свет в ночи	5
Глава 2. Бегство	9
Глава 3. Охота на охотников	14
Глава 4. «Грех»	21
Глава 5. Летопись	24
Глава 6. Забытая царевна	30
Глава 7. Явление Папы	32
Глава 8. Соколиный король	39
Глава 9. Портрет короля	41
Глава 10. 500 рыцарей	47
Глава 11. Болезнь Анны	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Юлия Андреева

Святы и прокляты

© Андреева Ю.И., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

* * *

Случилось это сразу после Пасхи. Не дождавшись Троицы, тысячи отроков тронулись в путь, покинув кров свой.

Иным из них минул едва шестой год. Другим же впору было выбирать себе невесту, они же выбрали подвиг и славу во Христе. Заботы, им порученные, позабыли третьи. Те оставляли плуг, недавно взрывававший землю; те выпускали из рук тачку, их тяготившую; те покидали овец, рядом с которыми сражались против волков, думая о других супостатах, магометанской ересью одержимых... Родители, братья и сестры, друзья упорно отговаривали их всех, но твердость подвижников была непоколебима. Возложив на себя крест и сплотившись под свои знамёна, отроки двинулись на Иерусалим... Мир называл их безумцами, но они упорно шли вперед.

Средневековые историки о начале детского крестового похода 1212 г.

Он шествовал, как подобает Его Императорскому Величеству, со множеством повозок, груженных золотом и серебром, батистом и пурпуром, драгоценными камнями и дорогими предметами, со множеством верблюдов. Огромное количество сарацин и эфиопов, обученных многим искусствам, с обезьянами и леопардами охраняли его деньги и сокровища. Так, в окружении большого числа князей и воинов, он дошел до Вимпфена.

Летописец из Эберсбаха о шествии императора Фридриха II

Глава 1. Свет в ночи

Ночь. Только цикады звенят так громко, что, право, подкрадется какой-нибудь душегуб – шагов не расслышишь.

В свете факела молодой человек пытается содрать кинжалом дерн: дерг-дерг – крепко держится корнями сорная трава подорожник да осока; не желает отдавать своего цеплючий репей. Юноша втыкает клинок раз и другой, рубит, режет, пытается отодрать кусок пахнущего свежей землей дерна. Это тебе не на огороде копать, не рыхленные-перерыхлённые грядки окучивать, не с виноградником возиться! Кинжал ударяется о камень, врезается в корень давно сгнившего дерева. Парень плюет на руки, продолжает. Когда удаётся очистить от дерна крошечный пяточок, в дело идет лопата.

– Слишком глубокой ямы не копай. Широкая тоже без надобности. Два локтя – и будет! – наставляет его отец. – Ты мне еще спасибо скажешь, когда дела пойдут.

– Ага, пойдут! Верно матушка говорит: дойдет слух до нашего сеньора – все кости переломает, руки точно крадунам бессовестным отрубит. И будет прав.

– Есть ему дело до нашего поста, как же! Встречаем прохожих, проезжих, расспрашиваем не шпион ли, не еретик, получаем денежку – и нам хорошо, и городская казна не в обиде.

Вместе они поднимают с земли приготовленный заранее постовой столб и аккуратно помещают его в ямку.

– Посуди сам. Вот где мы должны стоять? На дороге Красной, на въезде в Салерно. Дабы блюсти интересы нашего сеньора, получая подорожную мзду. Но Красная большая, и кто помнит, где конкретно должен размещаться наш пост? Скажешь, сеньор Салерно помнит? Епископ знает? Вот и я о том же...

Другое дело, если мы немножко сместим этот пост в сторонку, так чтобы захватить Торфяную дорогу, ведущую в Амальфи, где нынче ярмарка... То есть мы чуть-чуть сдвинемся в сторону от Красной, и уже завтра будем собирать въездную подать за посещение ярмарки. Знаешь, сколько народу проедет по этой дороге? А я тебе наперед скажу: не мало.

Наш сеньор, долгие лета ему и его деткам, ждет от нас въездной пошрины. И он ее получит. А тот, что в Амальфи, все равно приберет к рукам пошрину с основной дороги. С Торфяной же мы и сами не побрезгуем. Ихнее ушехлопство нашим богатством обернется. Забыли, поди, что в Амальфи ведут две дороги, и по Торфяной пойдут купцы, отторговавшие свое и забравшие товар на рыбной ярмарке Неаполя. За ярмарочные дни мы сумеем заработать мамке на корову, а то и лошадь купить! До утра нужно управиться и на пост заступить... Грехи наши тяжкие, – он крестится. – Дерном землю прикроешь, будто давно стоит. В базарный день каждая минута на счету, не до препирательств.

Да не трясись ты так, образина! Думаешь, я первый раз границу двигаю? Эх, молодозелено... Слышь: ты что, сеньора Амальфи пожалел? Чего его жалеть-то? Не наш это сеньор. Твое дело на посту стоять, да интересы Салерно блюсти. А об Амальфи – пусть его стражники пекутся... Хватит уже здесь. Глянь лучше, глазки молоденькие, что там впереди? Не могу разобрать. Там вот, откуда свет?..

* * *

Сквозь щелку в исповедальне ясно видно плечо отца Грегори и кусок накидки сеньоры фон Уршперг. Мог бы и ближе подойди, старый черт! Впрочем, береженого бог бережет: напугал дурака, так тот теперь и не знает, каким боком встать к схрону таинственного незна-

комца, дабы не заработать удар ножом. Лиц не видно, зато все слышно – лучше не придумаешь, даже извечное церковное эхо не мешает.

– Если вы не вывезете детей из города, их убьют, и никто уже не сможет этому помешать. Они последние в роду, и сеньор Малабранка это дело не оставит, посулите вы ему хоть мешок золота. Никто не щадит кровников. Уезжайте, и как можно быстрее, сударыня.

– Куда мне ехать? – надтреснутый старушечий голос напоминает орлиный клекот. – Пусть режут, стреляют. Я свое отжила. Но внуки? Сердце кровью обливается.

– Я уже пытался говорить с доном Малабранка, безуспешно. Он явится: сегодня, завтра или через неделю, но непременно придет со своими головорезами. Он хочет, чтобы город выдал ему детей летописца, или весь Амальфи будет вырезан. Если вы не спрячете их прямо сейчас, Совет старейшин выдаст ребят по первому требованию Себастьяно Малабранки. Ему не придется даже брать город в осаду: ремонт стены и так обошелся казне в кругленькую сумму, не говоря о воротах! Я вам не враг.

– Я знаю, святой отец! Но есть еще Лучиано – мой родной племянник, сын моей дворянской сестры, мы ждем его со дня на день. Он должен забрать ребят и увезти туда, где их не найдут. Я уже просила вас отправить Анну в монастырь капуцинок, но вы...

– Смеетесь, право? Выйдите из храма и посмотрите! Вон он монастырь. Думаете, слуги сеньора Малабранки поленятся подняться к Божьему дому по одной из каменных лестниц? Бесплезно прятать Анну так близко, ее все равно выдадут – и тогда... Что же Лучиано?

– Лучиано из Риволи должен забрать детей. Я не вру. Если в город заявится Себастьяно Малабранка, вы могли бы укрыть их по крайней мере до прихода Лучиано. Если вы сделаете, как я прошу, Господь не оставит вас, я же... – Она зашептала на ухо священнику: – У Лучиано будет знак, кусок зеленой парчи, такой не купишь на нашем рынке. Я слепа, но вы-то знаете, что такое парча.

– Будь по-вашему, – священник вздыхает. – Я спрячу детей в храме, и да защитят их мощи святого Андрея. Но не моя вина, если люди сеньора Малабранки обнаружат их здесь.

Стуча по каменному полу клюкой, старуха покинула храм. Рудольфио дождался, когда ее шаги стихнут и выбрался из своего убежища.

– Я сделал все, как вы приказали, сеньор, – руки священника заметно дрожали. – Вы пришли за этими детьми. Назовитесь Лучиано из Риволи и заберите их, ради всего святого. Не сегодня завтра Себастьяно Малабранка все равно ворвется в город и не оставит здесь камня на камне.

– Мне нужна зеленая тряпка. – Незнакомец покрутил головой и, заметив что-то, устремился к алтарю.

– Это праздничный покров Девы Марии. Вы ведь не собираетесь грабить церковь? – запротестовал было священник.

– Старуха на ощупь отличит парчу от любого другого материала, – ловко перепрыгнув через крошечную загородку, незнакомец аккуратно снял кусок материи с головы Непорочной Девы. – Как раз зеленая парча. Точно специально! – Он усмехнулся. – Уверен, у матери нашего Бога найдутся и другие наряды. – Отсалютовав священнику и не оборачиваясь больше, нехристь выскользнул из церкви.

* * *

Жилище сеньоров фон Уршперг Рудольфио заметил сразу же, как приехал в Амальфи. Добротный, с флюгером в виде трубача, весь поросший зеленым плющом, дом был словно втиснут в скалу, составляя с ней одно целое.

Справа и слева от него, на крышах соседних домов, располагались цветущие сады. Широкие кадки с водой размещались в специально выдолбленных в скальной породе углуб-

лениях. Между домами умелые жители вырубали ступеньки и небольшие площадки, где играли дети, вальяжно разгуливали толстые рыжие и белые куры, грелись на солнце дворовые собаки.

Теперь же, когда Рудольфио получил имя, которым должен был представиться, а также опознавательный знак, дело уже не казалось ему таким заковыристым, как вначале. Одно плохо – граф Гонсало Манупелло, прозванный за созданную им собственную сеть шпионов Спрутом, потребовал доставить в Амальфи летописца Бурхарда Уршпергского¹, а тот уже неделю, по милости скорого на расправу кровника, гнил в церковной земле. Так что Рудольфио не оставалось ничего иного, как с риском доставить заказчику хотя бы детей погибшего.

Дождаясь вечера, Рудольфио отправился в ближайший трактир, где поужинал и выпил пару кружек кислого вина, а с наступлением сумерек он уже стучался у ворот знакомого дома.

В окошечко над дверью на него глянули бесцветные старческие глаза под белыми кустистыми бровями.

– Мое имя Лучиано из Ривали. Доложите сеньоре фон Уршперг! – заявил Рудольфио, и тут же старая массивная дверь распахнулась перед ним, даже не скрипнув.

Старик в сыромятных сапогах с обрезанными голенищами, одетый в коричневое домашнее сюрко и кожаную безрукавку, поспешно закрыл за гостем дверь. Кланяясь и точно старый пес заглядывая в глаза, он побежал показывать дорогу.

В большом душном и темном зале, окна которого были закрыты ставнями, на полу под ногами шуршал высохший камыш. Посреди зала на здоровенном неудобном кресле восседала похожая на орлицу носатая старуха в черной кружевной мантилье поверх шелкового головного платка и в черном до пола шерстяном платье. Из-под подола торчали узкие носы старомодных башмаков.

Перед ней на крошечных табуретах сидело двое детей – отрок лет двенадцати и девочка лет девяти, с распущенными по плечам светлыми волосами. При виде незнакомца они вскочили, причем мальчик обнажил меч.

Рудольфио широко улыбнулся юному защитнику, эффектным жестом выхватив из-за пазухи зеленую парчу, и взмахнув ею в воздухе, точно тореадор плащом, накинул трофей на плечи девочке. Та ойкнула, мальчик что-то шепнул бабушке, и старуха, опираясь на руку внука, медленно поднялась навстречу гостю:

– Лучиано! Мы уже думали, что ты не придешь!

Опомнившаяся девочка, криво поклонившись новоявленному «родственнику», метнулась в сторону бабушки, и та дрожащими руками ощупала ткань, всего несколько часов назад покрывавшую Деву Марию.

– Парча. Никакого сомнения, парча.

– Зеленая парча, бабушка, – помогла ей внучка.

– Та самая. Мой покойный муж привез эту парчу из земли неверных. Половину рулона мы подарили на свадьбу моей сестре и еще половину преподнесли по куску в три разных храма. Храм Андрея Первозванного и храм при монастыре капуцинок – эти в нашем городе. А так же в Неаполе... Удачно, что Жанна сохранила этот кусок. Его невозможно спутать ни с чем иным... Подойди ко мне, племянник, дай мне обнять тебя напоследок.

Рудольфио приблизился к старухе, склонившись к самой ее груди, но та и не подумала его обнять, как бы это сделала любая другая. Вместо этого сеньора осторожно коснулась чувствительными пальцами лица гостя и быстро ощупала его, точно лепила посмертную маску.

---

¹ Бурхард фон Уршперг (Уршпергский) – летописец Швабии, исторической области на юго-западе Германии в верховьях Рейна и Дуная.

– Да, мои пальцы никогда не обманывали меня. Ты сын моей сестры Катарины. Ты пошел в нашу породу, в этом нет никакого сомнения. Лучиано, ты спасешь детей?

Он поспешно кивнул, поцеловав руку, нежелающую отпускать его, а затем, сообразив, что старуха просто не может видеть его, уточнил:

– Я бы хотел, чтобы детей собрали немедленно. Через пару часов, когда начнет темнеть, мы выйдем из дома и постараемся покинуть город незамеченными.

– Будет так, как ты скажешь, – старуха понимающе кивнула. – В отличие от глупого кровника сын моей сестры понимает, что значит королевская кровь. Слуги приготовят вам с собой еду и теплые плащи.

– Зачем нам теплые плащи, бабушка? Ведь лето, – не поняла девочка.

– Возможно, несколько ночей, сеньорита, нам безопаснее будет спать на земле, – уточнил фальшивый Лучиано. – Себастьяно Малабранка узнает, что я забрал вас из Амальфи и будет искать на постоянных дворах.

– Твоя правда. – Сеньора фон Уршперг одобрительно кивнула.

– Отец учил меня владеть мечом! – вспыхнул мальчик.

– Уверен, это знание пригодится нам во время путешествия, – улыбнулся Рудольфио. – Во всяком случае, я учту, что от тебя может быть польза.

– Лучиано! Все, что требуется сделать, это отвести детей в спокойное место. Лучше всего в Россано, где живут родственники их матери. Там позаботятся о них. Если не получится, делай так, как сочтешь нужным. Пусть возьмут другие имена, попросите защиты в каком-нибудь монастыре. Они могут работать переписчиками священных книг. Мой сын, царствие ему небесное, успел научить их не просто грамоте: под диктовку Константин и Анна способны писать так быстро, что говорящему обычно не приходится повторять.

– Я все понял. Мы теряем время. Пусть слуги соберут детей в дорогу.

– Да благословит тебя Бог Лучиано. Константин, Анна, слышали, что вам сказано? Собирайтесь...

Глава 2. Бегство

Темнота набросилась на городок Амальфи с проворством ночного хищника, вроде леопарда, охотиться с которыми ввел моду император Фридрих II из рода Гогенштауфенов. Сильные, могучие зверюги то ли были привезены Его Величеством лично, после победы в земле неверных, то ли являлись подарком султана и были доставлены позже. Так или иначе Фридрих получил двух пушистых и уже умеющих страшно шипеть, показывая зубы, котят, а затем, воспитав их, сделал своими друзьями, охотившимися с ним на крупную дичь. Нет ничего неотвратимее и страшнее леопарда на охоте!..

* * *

Из дома величественной старухи Рудольфио вывел детей, едва только начало смеркаться. А вот горный городок, где все улицы либо спуски, подъемы и ступеньки, либо сходни и колеи, по которым после дождя бегут говорливые ручьи, пришлось миновать как раз уже в темноте.

Хорошо, что Рудольфио из Турина большую часть жизни провел в так называемом «ласточкином гнезде» на замке одного знатного сеньора. Когда сеньор отправил впередсмотрящего на покой, тот еще лет десять в поте лица своего честно трудился наемным убийцей в гильдии Ночных котов. Так что Рудольфио прекрасно видел в темноте, а ребята более-менее ориентировались в лабиринтах улочек и проходных дворов.

В общем, выбрались как-то с Божьей помощью – но не к давно закрытым воротам, как поначалу думали дети, а через воровской лаз в полмиле от поста стражников. После чего оказались не на утопанной дороге, а чуть ли не в диком лесу. Во всяком случае, беглецам так показалось в самом начале.

– Мы могли бы вернуться к городским воротам и дожидаться там рассвета... – стараясь говорить как можно равнодушнее, предложил Константин. – После того как стража запирает город, там обычно собираются опоздавшие. Они жгут костры и всю ночь не спят, охраняя свое добро. Мы могли бы спрятаться среди них.

– Думаешь, Себастьяно Малабранка не опознает вас с сестрой? – удивился Рудольфио.

– Да где этот Малабранка, а где мы? – изумился, в свою очередь, мальчик.

– Ошибаешься, – перелезая через корягу, Рудольфио подал руку девочке.

Но та перепрыгнула через препятствие сама, должно быть, желая выказать перед новым родственником удачу.

– Полагаю, что если ваш кровник и не узнал о моем приезде (меня в Амальфи никто не знает), то уже утром, когда откроют ворота, кто-нибудь из соседей отправит ему весточку о том, что дети Бурхарда Уршпергского сбежали. И тогда...

– Тогда мы столкнемся нос к носу с предателем-соседом! – первой догадалась Анна.

– Вот именно. Впрочем, сейчас идти станет заметно легче. Впереди тропинка, ведущая в деревню, я шел здесь днем. Буквально через сто шагов лес справа от нас расступится, и далее мы пойдем вдоль симпатичного озера. А у воды всегда светлее, тем более, что сегодня полнолуние.

– Не озеро, а пруд. Поилка для коз, – догадалась Анна, с размаху налетев носком сапожка на корень дерева.

– Говорят, вокруг этого озера ночью водят свои хороводы маленькие мертвецы из детского крестового похода, что погибли в лесу. – Константин задрожал, а Анна прижалась к Рудольфио, вцепившись в его старенький плащ.

– Какого еще крестового похода? Да они досюда и не дошли, – с деланным спокойствием рассмеялся провожатый.

– Часть детей дошла даже до Рима, где встретила с Папой. А вот потом...

– Потом отправилась к себе домой. А тех, кто не пожелал возвращаться, взяли к себе богатые семьи.

– Богатые семьи приняли только отпрысков дворянских родов, а простые дети... Говорят, не все решились снова идти через Альпы, да еще и без провожатых. Несколько сотен бродили по стране, ища себе места и пропитания... вот и до Апулии добрались.

– Если добрались, стало быть, не померли в лесу, – резонно заметил Рудольфио. – В любом случае меня они не тронут. А вы со мной... Эй вы, дети из крестового похода, отзовитесь! Это я, Рудольфио из Турина, вы знаете меня и не причините мне зла.

Ответом ему стала тишина, и только далеко заухала какая-то ночная птица.

– В деревне есть постоянный двор. – Константин испуганно оглядывался по сторонам, ожидая встретиться взглядом с ожившим мертвецом – не важно, знают они Рудольфио из Турина или впервые слышат, кинутся или молча пропустят.

– На постоялом дворе у нас нет ни одного шанса! – Рудольфио осмотрелся. Ветерок действительно доносил запах воды, но сквозь густой орешник озеро пока еще не было заметно. – Решено, заночуем где-нибудь здесь и утром тронемся в путь. И еще, запомните, меня следует называть Рудольфио из Турина, а вы мои дети.

– Турин – это далеко? – услышав, что они вдруг обзавелись отцом, Анна тут же позабыла про боль и уставилась на Рудольфио восхищенными глазами.

– Турин – рядом с Ривали, – коротко пояснил Рудольфио. – И вообще, если нас остановят, говорить буду я. Понятно?

Дети закивали.

В ту ночь они устроились прямо под звездным небом, нарезав ножами веток и травы для ложа и укрыв все это сверху плащами. На вкус Рудольфио, так даже слишком мягко получилось. Что же до детей, то они впервые ночевали не у себя дома, и все происходящее им неизменно нравилось.

На рассвете, новоявленный «отец» проснулся, ощутив сквозь травяную постель стук копыт раньше, чем к ним подъехал небольшой отряд одетых на охотничий манер всадников.

– Может, лучше было бы назваться вашим дедушкой? – запоздало предложил Рудольфио, но дети отрицательно замотали головами. Должно быть, сам молодцеватый вид их спасателя не вязался с образом старика, семенящего с палкой и в выцветшей от времени широкополой шляпе или вечно сидящего перед камином...

– А это что у нас такое? – охотник лет пятидесяти с длинными непривычно свисающими до самого подбородка усами, остановил коня над импровизированным ложем.

– Сеньор, мое имя Рудольфио из Турина, а это мои дети. Мы никого не трогали, не нарушали законов этих мест, разве что переночевали в лесу, так как не нашли постоянного двора.

– Сеньор здесь не я, – старый воин покосился на изящного юношу лет семнадцати, с совершенно белыми вьющимися волосами до пояса, в ярком синем плаще с серебристой броней на груди.

Рудольфио отвесил низкий, но не раболепный поклон:

– Доброе утро, сеньор! Как охота?

– Где твой Турин, а где Амальфи? И где твои лошади? Ты не похож на бродягу, а эти дети явно не выдержат столь долгой дороги.

– Мои дети способны на многое, не стоит их недооценивать, – подбоченился Рудольфио. – Впрочем, ты совершенно прав, и сейчас я собираюсь на место своей новой службы, в

Апулию. В замок графа Гансало Манупелло, сына Джентиле Манупелло². – Он сделал паузу, давая возможность приставалам вспомнить, о каком таком графе идет речь, и решить, готовы ли они в случае чего рискнуть здоровьем ради сомнительного удовольствия схлестнуться с не сделавшим ничего предосудительного, прохожим.

– Гансало Манупелло, племянник бывшего сицилийского канцлера Вальтера фон Пальяра? – повернувшись к своему господину, спросил усатый.

– Так тот Пальяра, поди, лет двадцать уже червей в могиле кормит, – пожал плечами юноша. – Меня и на свете еще не было...

– А имя тем не менее помните... – наставительно проскрежетал усатый, делая знаки молодому господину, что, мол, ну их, к лешему: свяжешься с такими, потом вовек не отмоешься.

Рудольфио наблюдал за происходящим, спокойно скрестив руки на груди. Всадников было всего шестеро: среди них – пытающийся выказать себя героем маменькин сынок, который, судя по тому, что за него говорил дядька, возможно, еще совсем неопытен. Хотя, с другой стороны, чем еще заниматься молодому сеньору, как не постигать воинское искусство?

– Зачем понадобилось тащить сопляков в Апулию? Хочешь сказать, всю дорогу пойдете пешком? Меж тем обувка у девочки не подходит для такого путешествия, – юный господин явно высматривал, к чему бы придраться.

– В Апулию я веду их по личному приказу моего графа, а приказы у нас не принято обсуждать, – Рудольфио скорбно вздохнул. – Сказано вести, вот и веду.

– А можешь и не довести! – Юнец озорно и одновременно с тем хищно глянул на Анну. – Вы мне тут все зверье распугали. Видишь, лес пустой!

– Лето жаркое выдалось, вот зверье ближе к воде и ушло.

– Не умничай. Я строг, но справедлив. Вы мне охоту испортили, а я вас поохотиться приглашаю. – Он весело подмигнул слушающему его с открытым ртом Константину.

– Поохотиться – дело хорошее, – Рудольфио тянул время, пытаясь сообразить, что задумал молодой сеньор, в то время, как старый пестун, по всей видимости, уже обо всем догадался и мрачнел с каждым мгновением.

– Вот и хорошо. Какое у вас есть оружие?

– Самое обыкновенное, – Рудольфио с неохотой показал на пояс, где висел короткий меч и заметный кинжал. Метательные ножи были припрятаны у него за голенищами. А в походном мешке кроме собранного в дорогу провианта покоилась удобная веревка с небольшими, но достаточно удобными крючьями и кое-какие другие весьма странные штуки, о которых в этом горном краю, пожалуй, и не слыхивали.

– Сними меч, да и нож тоже давай сюда. Зверю не полагается оружия, – почти пропел юноша.

– Мы не звери! – без разрешения вступил в разговор Константин.

– Ваша милость, зверям полагается иметь крепкие зубы и острые когти, – наклонившись к своему господину, заступился за незнакомцев усатый. – Будет не интересно, если у них не останется возможности сопротивляться.

– Твоя правда, – юноша опустил голову, позволяя светлым, шелковым, как не у всякой девушки, кудрям закрыть его лицо. – И не по-христиански, и не интересно. Все одно, что батюшкиным крестьянкам подол задирает: ты ее мнешь, а она тебе слово сказать боится. Решено, оставь старику и мальчику по ножу. И... – он нежно поглядел на зардевшуюся Анну, – и барышне, что ли, дай, нетяжелый.

– Мы идем на охоту? – Константин переводил удивленный, недоверчивый взгляд с Рудольфио на щедрого незнакомца.

---

² Граф Джентиле Манупелло – брат сицилийского канцлера Вальтера фон Пальяра (Палеария), епископа Тройи.

– Сеньор, мы люди его сиятельства графа Гансало Манупелло, – напомнил Рудольфио, – и граф будет недоволен, если со мной или с детьми что-нибудь случится.

– А мы ему не скажем, – обворожительно улыбнулся молодой господин. – Правда ведь, дядька Роже? А? Тела съедят звери, и никаких следов.

– Мы слишком близко к городской стене. Какие звери? – Рудольфио внимательно наблюдал за шестью охотниками, просчитывая свои шансы.

– Тогда придется вас закопать или, лучше, утопить в пруду. Лишнее время, конечно, ну да куда торопиться?

Усач, которого молодой господин назвал Роже, сплюнул, отвернувшись от, казалось, вошедшего во вкус юноши: понял, судя по всему, что не получится разубедить барчонка. Теперь главное, чтобы все прошло быстро, и по возможности, без сторонних глаз.

– Вы станете стрелять в девочку?! – Рудольфио казался потрясенным этим своим открытием, на самом же деле он уже смекнул, что из шести охотников, в случае ближнего боя, реальная угроза может исходить только от усатого дядьки Роже.

Сеньора сопровождал еще юноша в монашеском облачении, по всей видимости – на правах молитвенника или Евангелия, которые так любят таскать с собой странствующие рыцари. Еще два высоких неотесанных парня – судя по внешнему сходству, братья – могли быть псарями (во всяком случае, именно они держали на привязи собак). Жирный, низколобый подросток – возможно, являлся родственником молодого охотника, и тот таскал его за собой из жалости или по приказу маменьки. В общем, ничего чрезмерного. Господь любил убийцу Рудольфио и обычно не отпускал ему сверхсложных испытаний. Хвала Всевышнему! Все эти мысли пролетели в голове Рудольфио в считанные мгновения.

– Девочка, говоришь? Юная фрейлина или даже фаворитка графа Гансало Манупелло? М-да... – молодой господин намотал на палец длинную шелковую прядь своих волос. – Слушай, мадонна, – он криво улыбнулся Анне, неуверенно сжимавшей в руках нож. – Ты когда-нибудь трубила в охотничий рог?

– Дома у батюш... – она осеклась, кинув испуганный взгляд на Рудольфио. – У бабушки, да, сеньор.

– А ну? – господин протянул руку.

Толстый парень торопливо снял с шеи и протянул ему рог.

– Да не мне, горе мое! Прекрасной донне.

Анна послушно приняла рог и набрав в легкие воздуха, изо всей силы дунула. Как ни странно, звук получился вполне сильный.

– У меня вот какое предложение, – наклоняясь к «жертвам», заговорщически начал молодой охотник. – Мы сейчас сыграем в одну игру. Мы – охотники, а вы... – вы звери. Игра начнется с первым ударом колокола на соборе Святого Мартина, это уже скоро. После чего вы двое, – он ткнул пальцем в перчатке в сторону Рудольфио и Константина, – побежите так быстро, как еще не бегали до сего дня. А потом схоронитесь. Мы же выждем четыре раза «Отче наш» и столько же «Верую», которые прочитает мой благочестивый друг Адальберт. После чего начнем охотиться. И вам и нам даётся одно время. Оно закончится, после того как Адальбертушка прочитает «Отче наш» сто раз кряду.

– Мадонна! – Он обернулся к готовой заплакать Анне. – Ты умеешь считать до ста?

– И считать, и писать, – девочка гордо вздернула подбородок.

– Вот и считай. А то монахи – люди увлекающиеся. А как выйдет ровная сотня, тут же труби в рог. Это и будет сигнал к окончанию игры.

– А если она раньше затрубит? – Адальберт спешил и теперь стоял подле девочки.

– Тогда мы вернемся на оставленные позиции, но наших новых друзей уже ни о чем предупреждать не станем.

– А когда вы нас поймаете? – стараясь выглядеть смельчаком, задал вопрос Константин.

– Эх, запретил мне батюшка в это лето пополнять зверинец, так что... – он задумался. – Живьем вы мне не нужны, а вот в качестве шкур...

– Понятно. – Рудольфио присел на корточки перед Анной. – Следи за монахом и не труби раньше времени. Как только, так сразу. Упаси тебя Боже сделать это не ко времени.

Анна убито кивнула, глотая слезы. Молодой охотник послал воздушный поцелуй ей, в то время как монашек привязывал своего коня.

– Держите ножи при себе, – усатый Роже вдруг подошел почти вплотную к Константину, показав жестом, чтобы тот поднял руки, а сам принялся шарить по одежде мальчика.

Ну что там можно было спрятать? Рудольфио хотел уже высмеять излишнюю подозрительность пестуна, но тому, похоже, было плевать на мнение о себе.

– Справа от вас городская стена, – взялся наставлять он детей. – Там кусты орешника плотные, сквозь них никакая стрела не пройдет. Прямо побежите – обрыв. А если в сторону вон той высокой ели возьмете, дальше болотце хитренькое – на вид вроде бы крохотное, но с придурыю, не иначе порченная водяница шуточки там шутит. Хотя... если по воде пойдете, ни одна собака следа не возьмет. На деревья не лезьте, барчук их сызмальства все излазил, вмиг сыщет. Поняли?

– Поняли, – охнул Константин.

Роже тут же переместился ко второму, взрослому пленнику.

– Спасибо за совет, – прошептал сквозь зубы Рудольфио. – Но только коли мы уйдем, как быть с девочкой?

– Сначала сами спаситесь. Его милость с малолетства до забав охоч, коли что решил, ничем не отступится. А дочка твоя, что же... скажи, чтобы, как только охотники на промысел уйдут, пусть рог бросит и бежит в сторону города. Потому как, коли барчук без добычи вернется, она сама добычей станет, а если вас обоих он убьет, все одно – ее заберет. А там уж, ясное дело, как с девочками-то поступают...

– Все чисто, я проверил, нет у них больше ничего! Можно охотиться, господин Люциус! – крикнул он, отходя от пленников.

– Забудь про рог, забудь про все и, когда охотники уедут, беги в город, – выговорил скороговоркой Рудольфио, погладив Анну по светлой головке. – Жив буду, найду тебя. Константин?

В этот момент воздух вздрогнул, разбуженный первым тихим ударом колокола, зовущего людей к заутрене.

– Кто не спрятался, я не виноват! – улыбнулся молодой охотник, наставив на Рудольфио свой арбалет.

Константин рванул в лес. Следом за ним побежал, не разбирая дороги и, пожалуй, давая парню урок прыти, сам Рудольфио из Турина. Монах привычно загнусавил «Отче наш».

Глава 3. Охота на охотников

– Стой! Не к городской стене! Сюда побежит Анна, – Рудольфио перехватил мальчика за плечо и круто развернув его, направил в сторону болотца, о котором говорил Роже.

– Думаешь, он правду сказал? – перепрыгивая через гнилой пенек, спросил Константин.

– Ты местный – ты и ответь.

Поравнявшись с широким дубом, Рудольфио рывком остановил Константина, пряча его за дерево.

– На болото надо! Он же сказал!

– Мало ли что он сказал? Может, ему удобнее будет нас из трясины вытаскивать? – стучал зубами мальчик.

– Иначе собаки нас зараз учуют! Камни собери. Ишь, сколько под ногами. А я быстро. – Стараясь не шуметь и прислушиваясь к каждому шороху, Рудольфио пробежал немного назад и, развязав пояс, принялся высыпать из него какой-то порошок. Насыпав полоску, он стукнул по огниву, и порошок мгновенно загорелся, испуская серый вонючий дым. – Теперь и собаки не так страшны, – сообщил он, вернувшись к Константину.

– Теперь они нас быстрее быстрого обнаружат, по дыму-то, – затрясся Константин.

– Ничего. Ты ведь у нас рыцарского рода. С пращой когда-нибудь играл? – Рудольфио развязал плащ и быстро разрезал его на полосы.

– Угу. В детстве. – Константин быстро смекнул, чего от него требовалось и, взяв из рук наставника кусок материи, споро приладил камень.

По тому, как шустро мальчик справился с задачей, Рудольфио понял, что тот, скорее всего, не подведет и с броском. В противном случае камни можно кидать и просто рукой.

– Идут, – Рудольфио приложил указательный палец к губам.

Мальчик вжался в дерево. Собачий лай слышался уже буквально в нескольких шагах, но дым делал свое дело, полностью закрывая обзор и сбивая охотничьих псов со следа.

– Не суйся без команды! – Рудольфио выглянул из-за дерева и узрел пеших охотников.

Впереди на полусогнутых, держа наготове лук и пригибаясь к земле, крался юный любитель охоты на людей. За ним, точно медведь, не разбирая дороги, пер толстяк. Собаки истошно лаяли где-то за полосой дыма. Должно быть, псари пытались заставить хвостатых бедолаг броситься в рудольфину вонючку, которая и для человеческого-то обоняния неприятна, что же до собак – так лучше прирежьте, только не заставляйте дышать ею. В общем, как и следовало ожидать, животные скулили, гавкали, рычали на своих хозяев, но дальше идти не желали.

Рудольфио снова прижался к дереву, считая удары сердца и пытаясь почувствовать, когда «главный» поравняется с его деревом, чтобы раз – и взять того в заложники. Потому как понятно, что дядька не посмеет домой сунуться без драгоценного сопляка, пусть тот ему хоть трижды осточертел. Старый хрен службу знает!

В этот момент Константин вдруг метнулся в сторону и прижал нож к жирной шее неповоротливого мальчишки.

– Ни с места, а то он пострадает!

– Ну и славно! – Люциус развернулся на голос, метя из арбалета. – Смерть как надоело мне эту свинину за собой таскать. Все ждал, что он сам в какой-нибудь канаве шею сломает. Еще и спасибо скажу.

Константин медлил, не ожидая подобного. Рудольфио, незамеченный, приближался к арбалетчику, сокрушаясь только об одном – что не видит, где притаился пестун. Попытаешься прижать барчука – и усатый Роже, как мамка леопарда, кинется мстить за детеныша...

Рудольфио оказался за спиной Люциуса, как раз когда тот собирался спустить палец со пускового крючка. И раз – схватил его за шиворот, два – развернул на себя, приложив кулаком в нос. Да больно! Парень полетел на землю, но, однако, не выпустил из рук арбалета, за что получил второй удар по скуле, но теперь уже сыромятным сапогом. Звери тоже иногда брыкаются.

Толстяк в руках Константина завыл, поспешно опускаясь на землю. Должно быть, мальчик пнул увальня под коленки.

– Молчите оба и останетесь живы. – Рудольфио завладел арбалетом, и Люциус добровольно передал ему остальное оружие. – Где твой дядька? – Рудольфио нежно обнял своего недавнего врага, ожидая в любой момент предательской стрелы или ножа в спину.

– Убей бог, не знаю, – заныл парень, утирая рукавом сукровицу.

– Зачем Бога утруждать, я и сам за милую душу справлюсь, – осклабился Рудольфио, слыша за кустами конский топот и человеческую речь. – Вы вызвали подмогу? Или другие охотники подоспели?

– Ни сном ни духом, сеньор! Одни мы были – все кого ты нынче видел, а больше никого. Девой Марией Апулейской клянусь!

Собачий лай превратился в визг и скулеж, и на поляну вывалился один из псарей со стрелой в спине. Он рухнул в пяти шагах от своего плененного господина, и тут же Рудольфио и Константин, позабыв о своих обидчиках, развернулись в сторону новых врагов.

– Молодой фон Уршперг, если не ошибаюсь? Куда же вы в такую рань собрались? А я, признаться, к вам. – Вежливо приложил два пальца к бархатному берету с пряжкой в виде распятия чернородый незнакомец, а затем поклонился Рудольфио, все еще направляющему на него арбалет.

– Себастьяно Малабранка? Какая честь! – Константин кинул выразительный взгляд на Рудольфио.

Тот и сам понял, что их нагнал кровник семьи покойного летописца.

– Ого! И Люциус фон Юстинген с вами? Я давно предполагал, что ваш отец пользуется покровительством юстингенского дома. Что же, теперь наконец все встало на свои места. А это... Боже, неужели я вижу последнего бастарда вашего знаменитого деда Ансельма?³ До чего же ты раздался, мальчик мой! Или твой отвратительный племянник решил откормить тебя к Рождеству? Фу! Впрочем, если я правильно помню, твоя матушка была той самой жирнущей поварихой, которую как-то сослепу отымел душка Ансельм. Или, прости меня покорно, он по-пьяному делу все-таки совокупился со свиньей? В этом случае, прости мне мою неосведомленность, ты не имеешь никакого отношения к этой жирной шлюхе, задирающей подол перед всяким солдатом...

– А где твоя сестра? – Себастьяно Малабранка обернулся к Константину, в то время, как его люди обступали беглецов плотным кольцом.

Константин замотал головой, мол, не знаю, не ведаю. Как ни странно, Люциус также не спешил выказывать свою осведомленность относительно местонахождения Анны.

– Черт с вами! Мои люди сейчас обыщут лес и...

– Меня зовут Олов, и моя матушка действительно служила поварихой в замке. Она благочестивая католичка и никакая не свинья! – задыхаясь от возмущения, неожиданно тонким голосом запищал толстяк, уморительным движением вскидывая арбалет и не целясь выпуская стрелу.

Один из воинов сеньора Малабранки чудом успел встать между ним и толстым Оловом, словив бастардов подарочек почти в подмышку. Стрела пробила кожаную безрукавку и ушла глубоко под ребро.

---

³ Ансельм фон Юстинген – шваб, рыцарского рода, рейхсмаршал и посол.

В следующее мгновение солдат, стоящий ближе других к Олову, набросился на толстяка, замахиваясь мечом. Лезвие взлетело над головой несостоявшегося убийцы, но в следующее мгновение тело служивого выгнулось точно лук, принимая поясницей метко брошенный нож.

Воспользовавшись паузой, Рудольфио кинул Люциусу его оружие и, развернувшись, саданул незаряженным арбалетом подлетающего к нему молодчика. Удар получился такой силы, что парень замертво рухнул на землю со сломанной шеей.

Рудольфио же подхватил его меч и, перекувырнувшись, подсек им под ноги следующего молодчика. Поджарый, легкий Рудольфио скорее не бился, а танцевал, причем сразу с двумя противниками. Нанеся удар в запястье одному, он принял на меч другого, изумительно точным движением разрезал ножом живот третьего и тут же его внимание потребовалось четвертому.

Меж тем Люциус, держа меч в правой, а нож в левой руке, лихо теснил самого Себастьяно Малабранку, нанося удар за ударом, но пока что даже не ранив озадаченного подобным напором почтенного господина. Константин оказался сбитым с ног и теперь сцепился клубком с пажом кровника – во всяком случае, тот мальчишка выглядел не старше своего противника, и они долго не могли побороть друг друга, катаясь по земле... Только толстый Олов стоял посреди поляны, пробитый сразу тремя стрелами, и, по всей видимости, попросту не догадываясь упасть.

Справившись со своими противниками, Рудольфио подлетел к Константину, оглушив рукоятью меча пажа, оказавшегося в тот момент сверху. Но тут на поляну выскочили монах, Анна и уцелевший псарь.

Себастьяно Малабранка нанес колющий удар в бедро Люциусу и, оттолкнув его, раненого, ногой, поспешил с мечом наперевес к застывшей от ужаса девочке. В руках кровника меч описал несколько сверкающих кругов, превратившись в золотую мельницу, после чего взвился над головой Анны, когда безоружный монах вдруг бросился на неожиданного подобного Малабранку и, проскочив под мечом, повалил его на землю.

В следующее мгновение кто-то из людей Себастьяно схватил раненого Люциуса за длинные волосы, приставив меч к горлу: «Уходите, господин!» Малабранка пытался было возразить, но тут воспитатель Люциуса метнул в него нож. Звяк – и острие царапнуло по кольчуге. Малабранка вскочил на поданного ему коня, командуя отступление и скрываясь за ближайшими кустами. Вслед за ним, с поспешностью покидали поле боя его люди, которых, впрочем, никто и не пытался преследовать.

– Я знаю монастырь, где нам окажут необходимую лекарскую помощь, – монашек подставил своему белокурому господину плечо, дабы тот мог опереться на него.

– Зато я знаю кабак, где нам нальют доброго вина и перевяжут раны... – тот печально поглядел на истыканного стрелами бастарда. – Бедняга Олов всю жизнь бесил меня, а теперь... Имею честь пригласить вас, благородный сеньор Рудольфио из Турина и ваших... Впрочем, этот мерзавец Малабранка раскрыл вашу тайну. Так какой смысл и дальше делать вид? – Люциус обворожительно улыбнулся. – Я так же приглашаю господ фон Уршперг.

– Ваш отец мне голову оторвет за то, что я не уберег дитяtko! Ух, мало он вас порол, ваша милость! – пестун выглядел довольным. – Что же до вашего дяди, – он покосился в сторону приходящего в себя Олова, – так я вам вот что скажу. Можете считать меня безбожником, но святой Себастьян супротив него – это просто... – Роже не нашел слов.

Рудольфио похлопал по щекам пажа. Тот пришел в сознание.

Константина и уцелевшего пажа отправили в указанный кабак, дабы те привели подмогу. В ожидании помощи Роже рубил молодые деревца для носилок.

– Все хорошо, что хорошо кончается. – Рудольфио и монах стянули рану молодого охотника остатками плаща Рудольфио.

Все это время отважная девочка стояла на коленях, держа дрожащими пальчиками материю для перевязки и шепча благодарственные молитвы. Так что, когда дело было сделано, Люциус с признательностью прижал к губам холодную от страха ручку Анны...

* * *

В тот день они славно позавтракали в деревенской таверне «Лев и роза». Над дверью ее был выбит девиз: «Здесь обедал король».

На самом деле, конечно, даже сам трактирщик не мог бы поручиться за то, какой именно король почтил его заведение. То ли это был друг Фридриха Барбароссы⁴ герцог Саксонии и Баварии Генрих Лев⁵, который вполне мог оказаться в этих местах по частному делу. Согласно легенде, путешествующий монарх уединялся в одной из гостевых комнат таверны с прелестной незнакомкой, то ли украденной им из монастыря капуцинок в Амальфи, то ли сбежавшей с ним от жестоких родителей. Во всяком случае, лев в короне над дверью гостиницы нежно обнимал розу. По другой версии, этим львом являлся английский Ричард из рода Плантагенетов, известный как Ричард Львиное Сердце⁶.

Таверна оказалась замечательным местечком. Весь ее первый этаж представлял собой просторный обеденный зал, пол в котором так густо устилала ореховая шелуха, что упавшая глиняная кружка имела все шансы остаться целой, если, конечно, на то была Божья воля. Вдоль стен располагались столы – большие столешницы на козлах. Их можно было по желанию убирать во время танцев, или, напротив, когда веселились большие компании, ставить впритык друг к другу. Посреди зала возвышался широкий прилавок, время от времени заменяющий крепостную стену, за которой от своих буйных гостей прятался трактирщик с парой верных слуг. Над головой хозяина заведения на специальных цепях и крюках висели копченые окорока, связки сухой рыбы и золотистого лука; за спиной виселся длинный деревянный буфет с посудой. Весь второй этаж представлял собой жилые помещения, там же имелось несколько комнат для постояльцев, способных заплатить не только за жаркое и выпивку, но и за отдельное ложе да крепкую дверь с засовом.

Тут же из города был вызван лекарь. Он так ловко и с такими веселыми присказками обработал все раны и царапины, что растроганный Люциус попросил своего пестуна не скупиться на награду. Судя по всему, молодому господину еще не полагался собственный кошелек, так что Роже отсчитал просимую сумму и даже добавил пару монет сверху, к вящему удовольствию сеньора.

После этого все кто мог идти перебрались в обеденный зал, где расторопные служанки принялись расставлять на столе разнообразные блюда и обходить гостей с кувшинами доброго вина.

– А как получилось, что Олов стал дядей сеньора Люциуса? – Анна дернула за рукав весьма довольного исходом дела усатого Роже. – Ведь он явно младше его милости и выглядит совсем мальчишкой? Это колдовство? – Девочка поспешно перекрестилась и, вытащив из-за пазухи ладанку, прижалась к ней губами.

– Ничего удивительного, сеньорита. Просто Ансельм фон Юстинген – дед сеньора Люциуса, в возрасте пятидесяти лет породил лежащего теперь в одной из верхних комнат этого трактира бастарда Олова, в то время, как его внук, вы это совершенно правильно заме-

---

⁴ Фридрих I Гогенштауфен (1122–1190) – король Германии с 1152 г., император Священной Римской империи с 1155 г., герцог Швабии в 1147–1152 гг. под именем Фридрих III.

⁵ Генрих Лев (1129–1195) – монарх из династии Вельфов, герцог Саксонии в 1142–1180 гг. (под именем Генриха III) и Баварии в 1156–1180 гг. (под именем Генриха XII).

⁶ Ричард I Львиное Сердце (1157–1199) – английский король из династии Плантагенетов. Сын короля Англии Генриха II Плантагенета и его жены, герцогини Алиеноры Аквитанской.

тили, уже достиг пятилетнего возраста. Обычное дело. – Роже изящно, точно придворный, взял двумя пальцами с подноса сочащийся соком кусок обжаренного мяса и принялся раздирать его зубами.

Анна тут же повторила маневр своего соседа, для верности задрал широкий рукав чуть ли не до самого плеча, дабы не испортить платья. Она потянулась к подносу и зажала кусок мяса между большим и указательным пальцами, как учили.

– Не тот ли это швабский дворянин Ансельм фон Юстинген, что имел честь служить посланником у короля Фридриха II, благодаря щедрости которого и стал гофмаршалом? – поинтересовался Рудольфио, не без интереса рассматривая красивого Люциуса и, возможно, ища в нем черты лица давнего знакомого.

Люциус отрезал ножом большой ломоть и, не снимая его с лезвия, потребовал налить себе полную кружку вина. Анна же, казалось, уже прожгла взглядом дырку на очаровательном рыцаре, давно позабыв, что тот недавно приказал травить их словно зверей.

– Это дед сидящего напротив вас Люциуса фон Юстингена, – Роже ткнул костью в сторону своего ученика, и тот ответил Рудольфио церемонным поклоном.

– Мы дадим вам коня, дабы вы могли в скорейшем времени достичь владений своего сеньора, – ласково сообщил Люциус, в то время как его пестун при упоминании о лошади скривился, но промолчал. – Мой отец, конечно, разгневется за то, что я получил ранение и не уберег Олова, но... пожалуй, он еще больше рассердится, узнав, что мы потеряли охотничьих собак, – Люциус вздохнул. – Ну да, двум смертям не бывать! Забирайте лошадь, трактирщик найдет вам в деревне какую-нибудь повозку. К сожалению, я не могу помочь вам людьми для охраны. А ведь ваш мерзкий кровник предпримет еще не одну попытку догнать вас, пока вы не спрячетесь за стенами «Греха». Так что будет лучше, если вы по крайней мере не будете три дня понапрасну трудить ноги, а доберетесь туда с комфортом. Во всяком случае, если он предпримет новое нападение, вы уже вполне отдохнете и сумеете постоять за себя.

– Признаться, я и сам собирался нанять лошадей в деревне... – Рудольфио сокрушенно вздохнул. – Впрочем, если настаиваете, я приму вашу помощь с благодарностью.

– Странное дело, но если я правильно помню, уршпергский летописец Бурхард, чьими детьми являются мадонна Анна и доблестный воин Константин, верно служил Штауфенам. А Себастьяно Малабранка из Рима по указу императора Фридриха II в свое время сделался подестой Милана. Как же получилось, что эти двое ярких представителей одного лагеря умудрились стать смертными врагами? – Люциус весь сиял. Не каждый день он мог выказать подобное знание древних фамилий и обстоятельств их возвышения, но тут речь шла о ближайших людях к императору, которому его семейство служило, начиная с прадеда.

– Они поссорились из-за нашей матери, – Константин с вызовом посмотрел в глаза Люциусу и нашел в них понимание.

– О, семейная вражда на почве неразделенной любви! Это достойно пера самых славных менестрелей, – мечтательно произнес светловолосый красавец, разглядывая зардевшуюся Анну. – Полагаю, что мадонна – вылитая мать и с годами станет настоящим светочем красоты. Клянусь, я и сам почел бы достойным делом преломить в честь нее копье, ну, или даже положить ради нее половину своих замечательных родственников.

– Мама с года была помолвлена с Себастьяно Малабранкой, но полюбила отца – летописца и поэта и бежала с ним.

– Ах, почему я не Вольфрам фон Эшенбах⁷, не Вальтер фон дер Фогельвейде⁸ и не Пейре Видаль⁹? Когда история с Малабранкой исчерпает сама себя, мой вам совет, отыщите достойного трубадура и расскажите ему все без утайки...

---

⁷ Вольфрам фон Эшенбах (около 1170 – около 1220) – один из крупнейших эпических поэтов немецкого Средневековья.

Сытный завтрак плавно перешел в обед и, возможно, так же незаметно перетек бы в ужин – во всяком случае, Люциус был сама любезность, а Олов, хотя из-за ран и не спустился к столу, но запросил подать ему обед в постель, что само по себе уже было отличным знаком. Тем не менее, оставив детей под присмотром Роже, Рудольфио обошел деревню, купил подходящую телегу и простую деревенскую одежду, справедливо рассудив, что его беспокойная милость сеньор Малабранка будет искать мужчину и двоих ребятишек, одетых на городской манер, но, возможно, пропустит едущих по своим делам крестьян.

Однако купить новые наряды – одно дело, а заставить детей надеть их, имея собственное представление о том, как следует одеваться приличным отпрыскам рыцарского рода, – совсем другое. Анна рыдала в три ручья, обещая то сбежать от деспота и тирана Рудольфио к любимой бабушке, понимающей толк в подходящих для девочки ее сословия платьях, то прямо сейчас уйти от позора в ближайший монастырь.

Впрочем, все эти вопли и заламывания рук предназначались исключительно для чувствительного сердца красавчика Люциуса, пред которым Анна не хотела ударить в грязь лицом. И лишь когда благородный рыцарь провозгласил, что мадонна Анна в простом крестьянском наряде сделалась еще более ослепительной, та соизволила улыбнуться и дать слово Рудольфио, едва не поседевшему в процессе переговоров, что впредь будет ему во всем покорна.

С прекрасным Люциусом Анна расставалась, уже обещая помнить его вечно. После чего Рудольфио посадил ее на телегу с пахучим сеном, в котором была спрятана их одежда, и повел коня под уздцы. Сидя на краешке телеги, новоявленная «крестьянка» трогательно махала своему рыцарю тонким батистовым платком.

* * *

Богачка-ночь разбросала на черном полотнище неба бриллиантовые украшения: вот, мол, я какая-разэтакая – обзавидуйтесь! На ночлег они остановились прямо в поле, чуть свернув с дороги и угостив лошадь купленным в деревне овсом. Рудольфио прочитал скорую молитву, разломил хлеб и накормил детей, дав им отхлебнуть из походной фляжки. Он взялся сторожить первым.

Константин разложил на земле плащ и устроился спать прямо под телегой, отвернувшись от костра. А вот Анна никак не могла заснуть. Впрочем, не дом родной. Кто ее здесь станет укладывать да уговаривать? Сомлеет – поди, и сама заснет, когда пора придет. Нечто мало дети перенесли из-за проклятого кровника? Отец погиб, сами в бегах, какой-то встречный-поперечный сеньорчик чуть собаками не затравил. . . Вот Рудольфио с Анной и болтали обо всем на свете. О том, что девочкам в ее годах особенно интересно: прекрасных дамах, благородных рыцарях, крестоносцах, что ходили в земли неверных биться с иноземными нехристями, и о том, чего в тех самых землях чудесного есть. Рудольфио, оказывается, побывал в Египте, вот и рассказывал девочке без утайки, что там видел, а чего хоть сам и не наблюдал, но верные люди сказывали.

А потом Анна поведала новому другу о своем житье-бытье, да так разоткровенничалась, что вдруг выложила неожиданному Рудольфио историю своих венценосных предков.

---

⁸ Вальтер фон дер Фогельвейде (около 1160–1170 – после 1228) – немецкий поэт и композитор. Воспевал рыцарскую любовь к Прекрасной Даме, служение Богу и сюзерену.

⁹ Видаль Пейре (Пьер) (1160—?) – один из самых блестящих трубадуров Прованса, жизнь которого представляет причудливый роман.

– Давным-давно, – Анна покачивалась, словно в такт одной ей слышимой песни, – жила-была молодая и прекрасная царица, дочь императора Византии Алексея I Комнина¹⁰ и Ирины Дукини¹¹. Звали ее Анна Комнина¹². Была она умная-разумная, знала грамоту и годы напролет сидя в замке, трудилась над «Житием» своего героического отца. Написала она за свою жизнь пятнадцать томов, пересказав все, что знала сама и от других слышала. Труд сей получил имя «Алексиады». И удивлялись мужи бородатые и безбородые, ибо неженское это дело, летописи писать! Песни – и то уже много будет. Она же пятнадцать томов написала!

Царица эта приходится нам с братом родной прабабкой, так как мы исходим от ее сына Иоанна Дука. Наш дед был его бастардом, и о том в хрониках написано, – девочка шумно выдохнула. – Потому и нас с малолетства грамоте обучали, чтобы не ушел талант и дух Анны Комнины в ком-нибудь из наследников пробудился.

– Думаешь, в тебе он пробудился? – нахмурил брови воин.

– Ну, я не настаиваю... – девочка опустила хорошенькое личико. – Но бабушка говорит, что я вылитая Анна Комнина. А бабушка моя – сам видел, какая мудрая...

---

¹⁰ Алексей I Комнин (1056/1057 – 1118) – византийский император в 1081–1118 гг.

¹¹ Ирина Дукиня, или Дукина (1066–1123 или 1133) – жена византийского императора Алексея Комнина.

¹² Анна Комнина (1083–1153) – греческая царица, старшая дочь императора Византии Алексея I Комнина и Ирины Дукини. Одна из первых женщин-историков.

Глава 4. «Грех»

– Ты привез летописца? – глаза Спрута смотрели в сторону окна.

За его спиной, свирепо уставившись на наемника, ухмылялся здоровенный мечник.

– Все получилось не совсем так...

– Мне доложили, что ты привез детей? Ты теряешь хватку, Рудольфио из Турина. Прежде ты не делал таких глупостей. Зачем мне дети?

– Сеньор, дело в том, что летописца, за которым вы меня послали, убили за неделю до моего прибытия. Кровник выпустил в беднягу пару стрел, когда тот выходил на двор, и затем слуги прирезали раненого точно свинью. Я застал его старую мать и двоих детей.

– Зачем мне дети? Ты не понял вопроса?! – Спрут поднялся со своего места.

Роста он был среднего, чуть выше Рудольфио. Его некогда черные волосы, коротко стриженные, серебрились на висках. Невероятно худое лицо напоминало обтянутый желтоватой кожей череп. Кисти рук, несмотря на жару, обтягивали перчатки из тонкой кожи. При дворе его сиятельства поговаривали, будто бы еще в детском возрасте он пережил чуму или даже проказу, после которой его тело и особенно руки оказались изувечены настолько, что граф был вынужден скрывать их.

В общем, сеньора Гансало Манупелло нельзя было назвать красавцем, при этом он тщательно следил за своей внешностью и всегда был изысканно одет. Наемник не хуже любого торгаша определил, что в такую жару его нынешний хозяин выбрал для себя мавританский, а не сицилийский шелк – более легкий и дорогой. Поверх черно-серого сюрко с тонким рисунком в виде переплетенных листьев красовался серый расшитый золотой ниткой плащ.

– Они грамотные... – Рудольфио помедлил, собираясь с мыслями. – Поначалу я думал привезти только мальчишку, но потом... Сеньор, летописец успел передать детям свое мастерство, они уже работали вместе с ним и по их заверениям, успевают за рассказчиком, особенно когда трудятся вместе. – Рудольфио сделал нажим на слово вместе. – Кроме того, не знаю, право, стоит ли говорить... но если в них и правда королевская кровь... кровь помазанника Божия... то я не готов получить вечное проклятие.

– Я услышал тебя. – Гансало Манупелло раздумывал. – Ладно. То что ты говоришь о королевской крови, конечно же чушь. Потомки бастарда... – он махнул рукой.

– Вы знаете что-нибудь сеньор о принцессе Анне Комнине? – забросил еще один крючок Рудольфио. – Писавшей летописи? Если это правда... Там, где я родился, детей специально называют именем его знаменитого предка, чтобы передать новорожденному часть талантов и доблестей умершего.

– Девочку зовут Анна? – Его сиятельство поднял кустистые брови. – Что же, не обьест нас эта пигалица надо думать... Надеюсь два наших гостя, которых ты привез до этого, не обидят ее. Во всяком случае, тебе придется остаться, и проследить, чтобы все четверо вели себя благоразумно и в конце концов выполнили то, зачем их сюда доставили... Казначей заплатит тебе за уже проделанное, но прежде чем стать моим личным телохранителем, тебе придется завершить начатое, а именно, днем и ночью следить за нашими гостями. Я не хочу, чтобы они сбежали, передрались, попытались изнасиловать детей или наложили на себя руки. Стены этого замка и без того помнят столько убийств... ступени и полы впитали в себя такое количество крови... В общем, я хочу, чтобы наши гости выполнили возложенное на них поручение и ты бы им в этом помог.

– Сеньор, я узнал тех двоих, которых привез в замок раньше, – Рудольфио переминался с ноги на ногу. – Это старые пьяницы: кривой трубадур, который не может играть на своем инструменте из-за того, что лишился правой руки, а денег на наем музыкантов у него отро-

дьясь не было, и пьяница знаменитый тем, что однажды пропил собственные портки, из-за чего не смог покинуть трактира, не будучи в концы опозоренным. Слышал, что в былые времена, он якобы служил оруженосцем императора Фридриха, но, скорее всего, это сказки. Я знал нескольких оруженосцев Фридриха, и ни на одного из них этот пропойца не похож.

– В твоей новой работе тебе поможет уже то, что ты лично знал людей Гогенштауфена. Впрочем, не будем заставлять наших гостей ждать. – Спрут кивнул охраннику и, любезно улыбнувшись Рудольфио, жестом пригласил его присоединиться.

Они спустились по полутемной лестнице, освещенной лишь светом узкого окна, прошли по коридору, слушая эхо собственных шагов, и оказались возле дверей, охраняемых немедленно вскочившей и вытянувшийся во фронт стражей.

Двери бесшумно распахнулись, и Рудольфио вслед за хозяином замка вошел в просторный, увешенный гобеленами зал, посередине которого возвышался длинный каменный стол. Около стола вразнобой стояло несколько кресел, в одном из которых сидел длинноволосый калека, другое – как раз напротив входа – облюбовал для себя человек, называющий себя оруженосцем короля. У окна на полу притулились испуганные брат с сестрой.

– Я приказал вас накормить? – Граф оглядел зал, и охранник поставил для него одно из кресел, после чего стряхнул с другого кресла оруженосца, отвесив тому легкий подзатыльник.

– Нас кормят как на убой, ваша милость, – отвечивал за всех оруженосец. – Однако мы теряемся в догадках: на кой черт? Да еще меня в такой спешке буквально стащили с жирной трактирщицы «Золотого сокола», где я...

– Я надеюсь, вас тоже пригласили к столу? – игнорируя вопросы, его сиятельство царственным жестом поманил к себе детей.

Те послушно подошли.

– Да, благодарим вас. Нас покормили, – ответил за обоих Константин.

– Ну и славно. А теперь к делу. Замок, где вы сейчас находитесь, называется «Грех» – грех, из которого вы можете выйти либо богатыми, либо мертвыми. Иными словами, я даю вам задание, выполнив которое, вы покинете меня с кошельками полными золота, либо, если откажетесь работать или попытаетесь сбежать – в холщовом мешке, в котором мы обычно вывозим отсюда трупы. Мне кажется, выбор очевиден. Что же до стражи... До сих пор у нас не было ни одного случая побега.

Теперь о том, что вам придется делать. Когда-то я имел честь служить и знать лично императора Фридриха II, чье славное имя в настоящее время усиленно пытаются втоптать в грязь...

При упоминании о покойном императоре старый оруженосец едва ли не подскочил на месте, а калека вцепился единственной рукой в свои давно не чесанные патлы. Константин застыл, открыв рот, а Анна засияла точно хорошо начищенный щит.

– Об императоре Фридрихе говорят, как о порождении самой тьмы, сыне дьявола. Его отлучали от церкви, называли трусом, не ценящим благородное искусство боя, но Фридрих Гогенштауфен никогда не был таковым, как о нем теперь принято рассказывать. В общем, я собрал в этом зале бывшего и, полагаю, самого первого, оруженосца императора – Вольфганга Франца. Да, оруженосец знал его еще королем Сицилии... И трубадур Вальтера фон дер Фогельвейде – сына другого Вальтера фон дер Фогельвейде – писавшего в былые времена песни во славу Фридриха... Я так понимаю, вы, трубадур, тот самый мальчик, которого я неоднократно видел вместе с менестрелем Фогельвейде, сопровождающим армию крестоносцев в 1228 году до Тироля? После чего вы с отцом вернулись в пожалованное вам Фридрихом имение, что недалеко от Вюрцбурга...

– Если быть точным, отец вернулся туда один, а я остался с крестоносцами, чтобы петь им и запоминать все, что покажется мне достойным пера. Отец хотел покоя в подаренном

ему лене. Я же решил, что в Святой земле просто необходим Вальтер фон дер Фогельвейде. И кому какая разница, будет это отец или сын?

Гансало Манупелло благодарно кивнул трубадуру и продолжил:

– Хотелось, конечно, привезти швабского летописца сеньора Бурхарда фон Уршперга, так же лично знакомого с императором и имеющего опыт подобной работы, но... к величайшему сожалению, наш слуга сумел доставить сюда только его детей. Впрочем... как мне доложили, оба они смогут терпеливо записывать за вами, господа, все, что вы посчитаете нужным поведать.

Кроме того, у меня хранится несколько списков с документов и писем, которые я с удовольствием предоставлю вам. Мне интересно, чтобы вы рассказали о Фридрихе все, что о нем знаете, по порядку, начиная с его благородных родителей, и так, постепенно год за годом... Не исключаю также, что в этой истории появятся пробелы, так как находиться рядом с сильными мира сего и знать об их планах – не одно и то же. Но, я уже сказал, что буду способствовать вашему труду по мере своих скромных возможностей. Не пытайтесь угадать мои желания и вкус, обелить или очернить того или иного участника далеких событий, пишите как есть, как знаете, а я учту вашу откровенность.

Константин и Анна фон Уршперг будут записывать все, что пожелаете рассказать вы оба, после чего историю следует как бы облагородить, – он выразительно посмотрел в сторону трубадура. – Я лично каждодневно буду прочитывать ваш труд и удалять или просить переписать неудачные места, – он слабо улыбнулся. – Я не спрашиваю, господа, хотите ли вы заниматься этим великим делом, умеете ли писать летописи... Кстати, выгляните на досуге в окно – сухой ров, с такой высоты можно костей не собрать... М-да...

– Да, чуть не забыл, – он лениво поднялся, улыбаясь каким-то своим мыслям. – Если мне доложат, что вместо работы вы тут лодыря гоняете, если я увижу, что летопись не двигается, вас перестанут кормить. Вы, безусловно, можете ругать меня последними словами, но мой вам совет: если желаете пользоваться моим гостеприимством, то приступайте к работе.

Счастливо оставаться, господа, и не вздумайте обижать этих славных детей! Вряд ли без них вам удастся записать свои воспоминания...

Глава 5. Летопись

– С чего начать?.. Вот ведь незадача, все умные слова подевались куда-то, – Вальтер фон дер Фогельвейде взъерошил свои темные, висящие сосульками волосы, удивленно переводя взгляд с Анны на Константина, словно видел их впервые. – Я был юн и неопытен, когда отец приказал мне служить дьяволу.

При упоминании имени нечистого Анна вскочила с места, но Вальтер удержал ее за длинный рукав. Константин застыл с открытым ртом, словно превратился в соляной столб.

– Дьяволом прозвали нашего господина, да. Как его только не честили, как не оскорбляли! И его милость, и его матушку – незабвенную королеву Констанцию¹³. А все отчего, я вас спрашиваю? Говорят же: не быть дыму без огня... А вот оттого, что покойница зачала Фридриха, когда ей было за сорок. И все время, пока она ходила с пузом, только ленивый над ней не потешался. Смеялись: мол, подушку под платьем носит. Что никакого наследника в таком возрасте родить невозможно. Как будто бы крестьянки поздно не рожают! Но то крестьянки – материя грубая. А чтобы благородная донна? Чтобы королева? Такого, мол, еще не бывало.

– Но ведь супруга Авраама Сара родила, будучи старухой? – перебила рассказчика Анна.

– Сара не была королевой, – немедленно парировал оруженосец. – Понятное дело, королеве обидно такое слышать. Она исполняет свой долг перед мужем, перед державой. Да нет, не то чтобы обидно – плевала она с высокой башни на то, что о ней говорят на рыбном рынке. А только народ подозрительное пузо видит и знай судачит, что, мол, бездетные король с королевой великий обман удумали: как срок этой облыжной беременности выйдет, так через тайный ход принесут доверенные слуги здоровенького младенчика, и его тут же нарекут наследным принцем.

Понимая, что иного выхода нет, и желая навсегда прекратить наветы, Констанция велела установить на рыночной площади города Джези шатер, где в положенный срок и разрешилась от бремени, практически на глазах у своего народа. В шатер было разрешено впустить всех замужних женщин города, пожелавших самолично узреть появление наследника престола. Так и шли они через весь город, с маслеными фонарями в руках – словно на странное богослужение.

В общем, благополучно разродилась королева. После чего, покормив младенца грудью и объявив, что имя принца Рожер Константин, со всей полагающейся ей торжественностью, Ее Величество отбыла во дворец, позволив свидетельницам разнести сию благую весть хоть по всему городу, хоть по всей стране, хоть по всему земному кругу.

– Какой еще Рожер Константин? – привстал Вольфганг Франц.

– Это первое имя нашего короля, – Вальтер обвел собравшихся горделивым взглядом и, обратившись на притихших, забывших свои перья и чернильницы ребят, сурово сдвинул брови. – Я что, два раза все это должен повторить? Пишите, что слышите! После разберемся, что оставить, а что, от греха, вымарать... Фридрих – семейное имя Штауфенов, вот отец его и переименовал Рожера в Фридриха, а затем «Рожер» куда-то «потерялся». М-да...

Констанция – странная мать. Родила сына при всем честном народе, чем доказала его несомненную подлинность. Но на этом ее забота о чаде, единственном сыне и наследнике, похоже, и завершилась. Почти сразу принц был отдан на руки мамкам-нянькам, а после и

---

¹³ Констанция (1154–1198) – дочь Рожера II, короля Сицилии, из династии Отвилей. Жена императора Генриха VI Гогенштауфена. Мать императора Фридриха II. В качестве жены Генриха VI – королева Италии с 1186 года, королева Германии с 1190 года, императрица Священной Римской империи с 1191 года. Королева Сицилийского королевства с 1194 года.

вовсе увезен куда подальше. Так что затихшие было слухи расцвели вновь буйным цветом: «Он не сын императора, он сын палача. Его подкинули, а наш принц мертв»... Случается, вероломный отец забирает дитя и единственную отраду у матери, но чтобы мать сама...

Не могу сказать точно, так как не имел возможности служить ему, будучи сам еще не рождённым, но, скорее всего, с самого начала маленький Фридрих жил в замке Сполетанского герцога и ставленника императора Генриха VI¹⁴ – отца нашего Фридриха – в Фолиньяно, на попечение герцогини Сполето, происходившей из швабской дворянской семьи.

– А есть ли в Фолиньяно замок? – Вольготно развалившись на скамье, поинтересовался Вольфганг Франц. – Что-то я сомневаюсь, чтобы там мог быть замок.

– А ты сходи и посмотри. Откуда мне знать? Замок там был. Дворец или просто просторный дом... В Ассизи есть, и в Палермо, и в...

– Продолжайте, сеньор фон дер Фогельвейде, не обращайтесь внимания, – Константин обмакнул перо в чернильницу.

– Фридриху было три года, когда его король-отец посреди жаркого лета в Мессине, по дороге в земли неверных, умудрился простудиться.

– Простудиться летом? – подняла красивые брови Анна.

– Ну да, бывает и такое. Блестящий рыцарь, милостью Божьей король, пожелал испить студенной ключевой водицы... Ничтожнейшая малость, а в результате – лихорадка и нелепая смерть в тридцать два года. Не успел он сделать ничегошеньки и оставил на троне Сицилии вдову с трехлетним сыном...

Сообщить печальную новость племяннику, а заодно и доставить его в Германию, взялся младший брат императора Филипп Швабский¹⁵. Сделать это следовало по возможности тайно, так как существовало опасение, что, прослышав о смерти Его Величества, итальянские подданные поднимутся против немцев, находящихся в то время в Италии. В их руках сосредоточилась чуть ли не вся власть.

В общем, дядя Филипп с маленьким Фридрихом на руках поостерегся продолжать путь, о чем и известил императрицу. Была, конечно, и другая причина: его нежелание выполнять приказ, но об этом позже. Поставь крестик, чтобы я потом рассказал, – кивнул Фогельвейде невероятно быстро писавшему Константину.

– Ну вот. Думаешь, коли посторонний человек такое прочитает, поймет он что-нибудь? Почему везут наследника в Германию? Почему не в Сицилию? – Стукнул себя рукой по коленке оруженосец.

– Да кто же в Сицилии, Матерь Божья, не знает Констанцию Нормандскую и чья она жена?! – опешил трубадур.

– В Сицилии, может быть, пока и знают, а нам приказано составить летопись на века. Читать ее будут не только в Сицилии, Апулии или Риме, а страшно сказать, где еще! А стало быть, следует объяснить, какая такая Констанция, чья, откуда и все такое.

– Констанция была самой младшей дочерью Рожера II¹⁶, короля Сицилии, и его третьей жены Беатрисы Ретельской¹⁷, – пожав плечами, с сомнением в голосе продолжил Вальтер. –

---

¹⁴ Генрих VI Гогенштауфен (1165–1197) – король Германии (1169–1197), император Священной Римской империи (1191–1197) и король Сицилии (1194–1197). Сын императора Фридриха I Барбароссы и Беатрис I Бургундской.

¹⁵ Филипп Швабский (1177–1208) – епископ Вюрцбурга (1190–1191), маркграф Тосканы (1195–1197), герцог Швабии (1196–1208), король Германии (1198–1208), младший сын императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы и пфальцграфини Бургундии Беатрис I Бургундской.

¹⁶ Рожер II (1095–1154) – основатель и первый король Сицилийского королевства из династии Отвилей, граф Сицилии, герцог Апулии.

¹⁷ Беатриса Ретельская (ок. 1131–1185) – дочь Итье, графа Ретеля и Беатрисы, дочери графа Намюра Жоффруа I. Жена Рожера II, короля Сицилии.

Дочерью покойного короля. Что не добавляло ей популярности среди суеверных сицилийцев.

Последняя в очереди, принцесса не мыслила когда-либо занять престол, полагая, что рано или поздно ее выдадут замуж за вассала ее брата-короля, или отправят молиться за династию в монастырь. К слову, пока еще было за что молиться: её старшие братья так или иначе померли задолго до её рождения, а брат Вильгельм I Злой¹⁸ и его сын Вильгельм II Добрый¹⁹ попеременно отирали задницами трон Сицилии. В их правление даже вошел в моду полосатый материал, как шутили придворные остряки, чтобы не тратиться зря при смене государя: черная полоса – в честь Вильгельма Злого, а белая – соответственно, в честь Вильгельма Доброго.

Констанция не следовала никакой моде, она уже несколько лет носила грубую монашескую одежду, изредка получая весточки от своих родных. Ее не волновало, кто займет трон, а кто в результате останется с носом, будучи убеждена, что ее судьба уже вошла в отведенное ей русло и больше никогда не переменится... Должно быть, эти танцы вокруг да около трона так бы и продолжались до бесконечности, если бы в 1166 году не помер Вильгельм I и сразу же после него костлявая не прихватила и его младшего сына, племянника Констанции – Генриха Капуанского²⁰.

В один миг не смевшая и грезить о престоле, смиренная монахиня Констанция сделалась потенциальной наследницей Сицилийского королевства. Впрочем, она отнюдь не спешила шить себе платье для коронации, да и вообще не предполагала, что ей позволят хотя бы съездить на похороны, не то чтобы отказаться от данных обетов. Ведь другой ее племянник – нынешний король Вильгельм II был молод (всего на год старше своей тётки), кроме того, женат, а стало быть, не сегодня завтра мог обзавестись собственными наследниками...

Вдруг на Рождество 1183 года император Фридрих I Барбаросса попросил через послов руки Констанции для своего сына и наследника Генриха Гогенштауфена. Барбароссе был выгоден этот союз для упрочения своих позиций в Италии, а Вильгельм II Добрый как раз готовился к вторжению в Византию, где ему был необходим сильный союзник. Тем не менее Вильгельм промурьжил это решение с полгода, утрясая все формальности с церковью, и только летом 1184-го согласился выдать отпущенную из монастыря тетку Констанцию за Генриха Гогенштауфена.

Еще через год, приняв присяги от всех крупнейших вассалов своего племянника-короля, как возможная наследница престола, бывшая Христова невеста двинулась в путь из Палермо в Салерно, а оттуда в Риети, где ее уже поджидали послы императора. В январе 1186-го жених и невеста увидели друг друга...

Констанция оказалась на одиннадцать лет старше своего будущего мужа! Тридцать лет – невозможный возраст для успешного брака и совершенно неподходящий для деторождения! Никакой любви между женихом и невестой не возникло, что не мешало им, однако, обвенчаться в базилике Святого Амвросия в Милане, после чего патриарх Аквилеи короновал молодоженов в качестве властителей Италии, несмотря на то, что ее истинный король Фридрих I Барбаросса был жив. Кроме того, никто так и не удосужился спросить благословения на брак у Папы. Его оскорбленное Святейшество Папа Урбан III²¹ был в ярости от подобного самоуправства, пригрозив отлучить новоявленного монарха от церкви.

---

¹⁸ Вильгельм I Злой (1126–1166) – второй король Сицилии с 1154 года из династии Отвилей. Четвёртый сын Рожера II и Эльвиры Кастильской. После смерти старших братьев стал наследником престола и герцогом Апулии (в 1148 году).

¹⁹ Вильгельм II Добрый (1153–1189) – третий король Сицилийского королевства из династии Отвилей. Второй сын Вильгельма I Злого (1126–1166) и Маргариты Наваррской.

²⁰ Генрих (1159–1171) – князь Капуи.

²¹ Урбан III, в миру Умберто Кривели (ок. 1120–1187) – Папа римский (1185–1187).

Но тут, на счастье молодоженов, извечный противник христианской церкви и враг участвующих в последнем крестовом походе королей, султан Саладин²² взял Иерусалим, и Папа посчитал стратегически неверным ссориться с императором. Так что, вместо наказания, он призвал Фридриха Барбароссу отправиться в Третий крестовый поход, где тот и сложил голову 10 июня 1190 года.

Дальше все складывалось предсказуемо: Генрих VI, после смерти отца еще и король Германии, заручился поддержкой ломбардских городов и пизанского флота, и с сильно разросшейся свитой прибыл в Рим на коронацию. 15 апреля 1191 года он и его Констанция были коронованы новым папой Целестином III²³, став императором и императрицей.

Итальянская, германская и императорская короны – это по линии Генриха. Констанция тоже принесла супругу обещанное наследство, так как в разгар всех этих переездов и получения корон помер молодой король Сицилии, не оставив после себя детей и еще раньше назвав Констанцию единственной законной наследницей престола.

Тем не менее большинство сицилийских баронов и сановников не считали приемлемым связываться с бывшей монахиней и её германским мужем. Так, в январе 1190 года в Палермо объявился новый король Танкред ди Лечче²⁴, незаконнорождённый племянник Констанции.

Против бастарда выступили бароны Южной Италии, но когда их восстание было подавлено, на выручку к южанам явился новый император и муж законной наследницы. Оставив супругу в Салерно, Генрих осадил Неаполь, но был вынужден отступить из-за вспыхнувшей эпидемии «красной смерти». Заметив, что император покидает стены Неаполя несолоно хлебавши, «благородные» жители Салерно тут же выдали Констанцию Танкреду.

Едва слухи о пленении законной императрицы достигли апостольского слуха Папы, Целестин III пообещал бастарду признать его законным королем в обмен на живую и невредимую Констанцию. В сопровождении двух кардиналов бывшая монахиня была отправлена в Рим. И еще неизвестно, что бы вытребовал его святейшество за жизнь и свободу императрицы, если бы та неожиданно не была освобождена в Кампании немецкими рыцарями, которые тут же вызвались сопроводить императрицу в Германию, где ее супруг вел в это время борьбу со своими давними противниками – гвельфами. – Фогельвейде запнулся и, взяв со стола кружку с водой, опустошил ее чуть ли не в один глоток. – Только в августе 1194 года Генрих VI во главе объединённого пизанско-генуэзского флота вторгся в пределы Сицилийского королевства, где правила Сибилла²⁵ – вдова недавно умершего короля Танкреда, и ждал своей очереди взойти на престол малолетний Вильгельм III²⁶, – продолжил он после минутной паузы. – Вторжение получилось быстрым и победоносным. Сибилла от имени сына отказалась от сицилийской короны, и 25 декабря 1194 года Генрих был коронован в соборе Палермо как король Сицилии. Борьба за наследство Отвилей завершилась победой Генриха VI!

Подарившая мужу Сицилийское королевство, Констанция на коронации не присутствовала, в это время, медленно двигаясь на юг Италии, беременная их первенцем. А после

²² Аль-Малик ан-Насир Салах ад-Дуниа ва-д-Дин Абуль-Музаффар Юсуф ибн Айюб, в русской и западной традиции Саладин (1138–1193) – султан Египта и Сирии.

²³ Целестин III, в миру Джачинто Бобоне Орсини (ок. 1106–1198) – Папа Римский (1191–1198).

²⁴ Танкред (умер в 1194) – четвёртый король Сицилийского королевства из династии Отвилей. Незаконно занял трон после смерти бездетного Вильгельма II Доброго.

²⁵ Сибилла Ачерра, или Сибилла Меданская (Майеннская) (1153–1205) – дочь графа Роджера Ачерры, жена короля Сицилии Танкреда и мать последнего короля Сицилии из династии Отвилей Вильгельма III.

²⁶ Вильгельм III (1185 – около 1198) – пятый, последний король Сицилийского королевства из династии Отвилей, занимавший престол в течение девяти месяцев 1194 года.

смерти мужа, когда Фридриху исполнилось три года, она желала только узаконить права сына.

Сев на престол Сицилии, Генрих смешал, казнил и бросал в темницы сторонников самозванца, сажая на их места преданных себе немецких баронов. И те к моменту внезапной его гибели набили у народа такую оскомину, что даже пытавшийся обратиться поддворному с наследником престола Филипп Швабский не мог толком выполнить приказа.

Овдовев, императрица призвала к себе знакомых ей с детства сицилийских дворян и своих родственников, чудом избегнувших кары Генриха. А также короновала сына Сицилийской короной, наивно уповая на то, что внук Барбароссы откажется от оставшегося после отца наследства. Впрочем, королева была уже серьезно больна и знала о том, что скоро умрет, поэтому она письменно доверила опекунство над своим единственным сыном и правление королевством во время его малолетства Папе Иннокентию III²⁷, пришедшему недавно на смену Целестину III...

* * *

Трубадур просто обязан обладать хорошей памятью, но вот как рассказать все это? Как донести, не расплескав, не потеряв по дороге, не приврав для красного словца? Вальтер фон дер Фогельвейде протер взопревший лоб:

– Все бесполезно! Я никогда прежде не писал летописей. А если и пересказывал истории сильных мира сего, то либо в песнях, либо за кружку доброго вина в кабаке. Нет у меня таких слов, чтобы передать вам историю бедной королевы Констанции, невесты Христовой, подарившей нам нашего господина Фридриха. Эх! Хоть вешайте, хоть голову рубите, не получается!

– Я записал за вами и господином Францем слово в слово, но полагаю, что сеньор хозяин пожелает после что-нибудь исправить, – мальчик отложил перо. – Нет же, вы горазды рассказывать, сеньор Фогельвейде! Прямо вся жизнь королевы перед глазами пробежала. Может, я чего и не понимаю, но праведницей была матушка покойного императора, а может, даже и святой.

– Не удивлюсь, если на ее могиле рано или поздно начнут происходить чудеса. Хозяин будет доволен, – блаженно потянувшись в своем кресле, поставил лестную оценку оруженосец.

– Странно все это, – ноги трубадура вдруг сделались слабыми, точно вата. Покачнувшись он осел на пол. – Не бывало прежде такого, чтобы человек незаметно для себя истории рассказывал. Я ведь все это только про себя говорил, раздумывал так да эдак, как правильно, по порядку, то есть чтобы ничего не упустить... А вышло... Вся история точно сама собой из меня выбралась, да еще и на бумагу перетекла, – трубадур заглянул в писанину Константина, и ему снова сделалось дурно.

– Отчего же! Бывало и хуже. Вот я как-то, помнится, запил, а утром собрался опохмеляться в кабак. Небольшая монетка-выручайка в сапоге за голенищем в хитрой дырке припрятана, на кувшин вина да мясную поджарку. Остальная же нычка в дырявом горшке за печью от супружницы моей подколотной надежно схоронена. Хожу я по дому, обуваюсь, стало быть, ну, понятное дело, качаюсь от стены к стене. Сам себя за сообразительность похваляю. Про себя, ясный корень, не вслух же! Во всяком случае, мне так казалось. Ну а когда «подлечился» у кабатчика, домой, как водится, вернулся. И что же? Жена в компании пьяных в лоскуты товаров посреди дома валяется да песни орет. Кинулся к нычке – нету.

---

²⁷ Иннокентий III (в миру – Лотарио Конти, граф Сеньи, граф Лаваньи (ок. 1161–1216) – Папа Римский с 8 января 1198 по 16 июля 1216.

Вот тогда и понял я, что невольно сам же о запятке своей и проболтался! Такая злоба меня взяла! И на супружницу мою, и на баб тех окаянных... Но поболее всего на себя и на своего ангела-хранителя: не уберег сука!

Глава 6. Забытая царевна

– Нет, я не обижаюсь на вас, господин Рудольфио. И Константин тоже когда-нибудь поймет, что вы хоть и обманули нас, но ведь от смерти лютой спасли. Не иначе как наши ангелы сами и привели вас в Амальфи. Здесь, в «Грехе», кровник нас в жизни не найдет, а коли и прознает, такой замок его силами не взять. – Анна радостно улыбалась. – А, кроме того, мы ведь о Золотом Фридрихе летопись пишем! Да если бы наш бедный отец дожил до этого дня! Вот ему радости было бы! Уж как он любил Фридриха! Что ни присказка у него, то о Фридрихе, что ни песня, то золотоволосом короле! Я еще совсем крохой была, во сне, помню, Фридриха видела. А когда проснулась, да к отцу кинулась рассказывать, тот меня все спрашивал, в чем Его Величество одет был, на каком коне восседал, какое оружие при нем было? Кивал, хвалил, а то, чего я не знала, уточнял.

Когда мы что-то делали – не важно, плохое ли, хорошее – отец сразу про Фридриха, когда тот был в таком же возрасте, сказывал. Только всегда выходило, что Фридрих неизменно лучше, чище и во всем талантливее нас с братом был. Хотя мы тоже королевской крови, а получалось, что неровня!.. Жаль, отец не дожил.

– Если бы твой отец дожил, то я бы его, а не вас с Константином из Амальфи забрал, – пробурчал себе под нос Рудольфио.

Какое-то время девочка молчала, свыкаясь с мыслью, и наконец кивнула, в знак согласия.

– Да. Вы выполняли приказ. Делали то, за что вам платят. – Ее чистые голубые глаза на мгновение встретились с его, карими. Щеки девочки вспыхнули. – Должно быть, Господу угодно, чтобы спасся не отец, а мы с Константином. Должно быть, летопись эта Господу угодна. Потому и... – она замялась, но наконец решилась, – последнее время наш отец вообще не упражнялся в письме. Всю работу, которую он брал, переписать книгу в монастыре, письмо ли под диктовку, – все делал мой брат. Богом клянусь!

Наш отец, не стала бы я напраслину на покойника возводить, ни за что не поспел бы за рассказом господина Вальтера, а мы с Константином давно уже договорились, пока он одну фразу записывает, я вторую подхватываю, – так и успеваем на пару. Кроме того... бабушка не успела вам сказать, но если бы она знала, для чего нас на самом деле увозят, непременно бы поведала. – девочка понизила голос до шёпота, так что Рудольфио пришлось склониться к ней, – У нас в доме всегда знали, что в роду Комнинов и Дука незамужние принцессы и недавшие женской ласки принцы умели в прошлое и грядущее проникать. Так что, на королевских советах их поили маковым отваром, а когда те засыпали, их поднимали, заставляя на вопросы отвечать. Сначала на те вопросы, ответы на которые и другие знали, а когда все один в один сходилось, вопрошали о важном. У нас дома всё решалось только при помощи маленьких детей, потому-то все дети до свадьбы держались в строгости.

Я это к тому говорю, сеньор, что коли хозяину замка наша с Константином помощь понадобится, то мы всегда готовы.

– Думаешь, когда летопись будет готова, он тебя в замке оставит? – с сомнением в голосе поинтересовался Рудольфио.

– Его сиятельство сеньор граф – добрый. Это мы сразу поняли, – заулыбалась девочка.

– Спрут добрый?! – не поверил своим ушам Рудольфио.

– Ага. У всех господ писари стоя работают, а он нам сидеть разрешает. Вот!

– Добрый или не добрый, а вот только поберегла бы ты, Анна, свои сказки для более снисходительных слушателей.

– Можете мне не верить, да только, кому лучше будет, если мы с братом выйдем отсюда с кошельками золота, которое прямо у ворот отберут у нас лихие люди? Ведь мы можем книги переписывать и в прошлое проникать! Бабушка говорила, что во мне дух принцессы Анны Комнины живет! А коли хозяин «Греха» еще и испытания с нами проведет, на свои вопросы ответы получит, так он и вовсе прикажет нас беречь, потому как, если мы потеряем девственность, не будет уже никаких ответов. Прошлое и грядущее захлопнутся перед нашими носами, ангелы отвернуться от нас. Потому как когда принцесса теряет свое сокровище, она обязана тут же возместить его миру, родив следующую провидицу или провидца. Вот.

– Ничего не скажешь, лихо закручено, – усмехнулся Рудольфио, собираясь уже откланяться.

– Не веришь?! Напрасно. Спроси у знающих людей, – чуть не плакала девочка, – Анна Комнина родилась в Константинополе и сразу же стала невестой Константина Дука²⁸, сына и соправителя императора Михаила VII Дуки²⁹ и Марии Аланской³⁰. Нас с братом бабушка заставила все это выучить. Ее отец император Алексей хотел, чтобы умный Константин занял престол вместе с его дочерью Анной. Но потом у него самого родился сын Иоанн, и он расторг этот брак.

Когда Анне исполнилось четырнадцать, ее выдали замуж за кесаря Никифора Вриенния³¹. Вместе они устроили заговор против младшего братца, но ничего не получилось. А у них родилось трое детей, и у одного из них, у Иоанна, был бастард от служанки, тоже Иоанн. Он принимал участие в каком-то заговоре и был приговорен к смерти, а бежав из Византии, достиг Швабии, где женился на моей бабушке Жанне фон Уршперг, взяв ее фамилию. После чего мы все стали именоваться фон Уршперг и избежали мести.

Потом вслед за Генрихом VI Гогенштауфеном они отправились в Италию, так как дедушка вошел в его свиту, а бабушка прислуживала королеве Констанции. В Италии родился мой отец Бурхард – летописец. Он служил императору Фридриху II, а потом поселился в местечке Амальфи, беря заказы как обычный переписчик.

– Анна Комнина же после смерти мужа, понятное дело, удалилась в монастырь. Вот такая история. Честное слово! – девочка молитвенно сложила руки.

– Честное слово, говоришь? – Рудольфио почесал заросший подбородок.

– Жаль, бабушки нашей тут не было вчера, когда говорили о королеве Констанции – матери Фридриха, ведь она – ее первая фрейлина ... О ком другом не знаю, а вот о Ее Величестве Констанции, бабушка бы много чего порассказать могла.

---

²⁸ Константин Дука (1074–1095) – соправитель Византийской империи в период с 1074 по 1078 г., а также с 1081 по 1087 год.

²⁹ Михаил VII Дука (1050— ок. 1090), по прозвищу Парапинак, – византийский император (1071–1078).

³⁰ Мария Аланская – дочь грузинского царя Баграта IV, которая, став одной из ключевых фигур политической жизни Константинополя 1070-х годов, способствовала приходу к власти Комнинов.

³¹ Никифор Вриенний Младший (1062–1137) – византийский государственный деятель эпохи Комнинов.

Глава 7. Явление Папы

– ...Итак, мы закончили на том, что Ее Величество вдовствующая королева Констанция короновала Фридриха II сицилийской короной, пообещав, что тот не станет претендовать ни на Германию, ни на Италию. Она продолжала носить титул «*Romanorum Imperatrix semper augusta*»³², но для единственного сына готовила скромную роль короля Сицилии, – продолжил Фогельвейде на следующий день, после утренней мессы в замковой церкви и трапезы, когда все летописцы заняли свои места у стола. – Это был правильный ход, учитывая, что в Германии королем уже был избран Филипп Швабский.

– Ее Величество почла за благо не ввязываться в большую политику. Ее сыну было всего три года, и объяви она ребенка императором, начни войну, то подкупленные слуги выбросили бы малыша из окна замка или подсыпали бы смертельную дозу яда. Признав королем Филиппа, Констанция как бы вычеркнула сына из числа его конкурентов, сделав союзником. Но следом за отказом от притязаний на Германию ей пришлось отказаться и от единства Сицилийского королевства – от того, за что боролся муж, Генрих VI. Хороший повод для красивой баллады, – трубадур явно готовился полночи: речь его лилась медовым потоком.

– Эх, жалко-то как! Дура-баба, хоть и королева. Не уберегла мужнино наследство, – не выдержал Вольфганг Франц.

– А ты бы предпочел богатого, но мертвого сына, небедному, но живому? И кто защитит? Филипп Швабский? Так он сегодня союзник, а завтра возомнит, что пацанот горшка два вершка на его корону посягает – и враз голова с плеч. Королева выбрала единственно возможный вариант защиты – Римскую церковь, в лице нового Папы Иннокентия III. Кто пойдет против Папы?

Иннокентий сделался официальным опекуном малолетнего Фридриха, а в благодарность Констанция учинила то, чего бы и под пытками не сделал ее покойный супруг, но чего жаждал Папа – принесла Иннокентию вассальную присягу обеих Сицилий. Зная, что скоро умрет, она добилась отмены отвоеванного норманнскими королями приоритета королевского права над сицилийской церковью. Теперь курия и капитул могли по собственному усмотрению назначать епископов по всей Сицилии, утверждать которых, должно быть в насмешку, следовало королю. Короля больше никто не спрашивал – ему несли документы, которые он должен был скреплять подписью и королевской печатью. В завещании королева назначила его святейшество опекуном своего сына Фридриха и, соответственно, регентом Сицилии, за что в папскую казну ежегодно должна была отправляться серьезная сумма...

– И это при том, что опекун ни разу не заехал хотя бы навестить своего опекаемого. Он даже отобрал у него корону, отдав ее проклятому Оттону!³³ – не выдержал долгого молчания оруженосец Вольфганг Франц, – Бедный король Фридрих! Одно слово – сирота. Всяк обидеть норовит, пусть даже и кровь королевская. – Он кинул злобный взгляд в сторону детей. – Помню, на палках Фридрих дрался лучше всех! А как плавал! Дождь, молнии над водой, гром грохочет так, будто ангелы на небе ворочают тяжелые бочки, а он – шнырк между волнами, рыжий черт. Одного не любил, когда ему указывали, что делать. Ненавидел учителей!

Помню мой дядя – брат отца, Вильгельм Францизиус³⁴... Моя настоящая фамилия Францизиус, но согласитесь, нелепо в войну называться Францизиус, точно какой-то ученой крысе в сутане. Вот дядя и додумался урезать ее до Франца. А я что? Я не в обиде. Это же

---

³² Августейшая римская императрица (*лат.*).

³³ Оттон IV Брауншвейгский (ум. 1218) – император Священной Римской империи с 1198 года.

³⁴ Учитель Фридриха II.

благодаря дяде я оказался при Его милости короле Фридрихе. Потому как мой дядька – не кто-нибудь, а *magister regis*³⁵. Не хрен огородный, а большая шишка! Вместе с ним Фридриха обучали каким-то арабским наукам сарацинские ученые. Кстати, владение мечом и всякую военную хитрость я уже с королем постигал. На охоте, помню случай...

– Мы скоро доберемся и до этого захватывающего места в истории нашего короля, но только чуть позже. Иначе наш тюремщик решит, что мы хотим обмануть его, перескочив через несколько лет, и тогда всем нам не поздоровится. – Вальтер фон дер Фогельвейде обвел притихшее собрание тяжелым взглядом единственного глаза и продолжил, обращаясь к Константину, которому явно благоволил. – Запишите, пожалуйста, для памяти, что Генрих VI, отец нашего короля, обучался у учителей, выписанных специально для него из Византии. Это может пригодиться.

Фридрих потерял отца в три года, а в четыре утратил мать. Однако та успела составить Королевскую Большую курию для управления Сицилией и отчета Папе-регенту. Она ввела туда четырех очень дельных архиепископов – Палермского, Монреальского, Капуанского и, право, не помню... Мне кажется, был еще из Калабрии... Эх, память... Во всяком случае, над всеми был поставлен канцлер Вальтер фон Пальяра, епископ Трои.

– А вы расскажете, как Папа Иннокентий отобрал у маленького Фридриха его корону? – потянув оруженосца за рукав куртки, с любопытством осведомилась Анна.

– И про охоту! Я слышал, что император предпочитал соколиную охоту, – присоединился к сестре Константин.

За окном начали собираться серые лохматые тучи, не иначе как гроза. В зале сразу сделалось темнее. Когда нашли и зажгли дополнительные свечи, по стенам забегали тени. Ударил гром. Анна взвизгнула и забилась под стол, часто крестясь и читая молитвы. Константин сидел как приклеенный над своими записями, нервно кусая губы и, по всей видимости, желая только одного, выказать себя настоящим мужчиной.

За окном полыхнуло так, что на мгновение в зале стало светло точно днем, и тут же ворвавшийся через окно порыв ветра затушил половину свечей. Где-то далеко забил тревожный колокол. Что там – пожар? враги? черти осадили колокольню?

От стены отделилась темная тень, она росла, росла, росла... пока не достигла высокого свода, не заняла все пространство вокруг, гася уцелевшие после вторжения ветра свечи, шепча, воя и постанывая. Из ниши, в которой, по правильному замечанию Анны, сделанному ею в первый же день пребывания в «Греха», не доставало статуи какого-нибудь святого, возник светловолосый человек в кардинальской мантии.

На вид незнакомцу было лет тридцать пять, но на самом деле гостю «Греха» исполнилось уже тридцать семь. Лотарио Конти, граф Сеньи, граф Лаваньи, родившийся в городе Ананьи, законный сын графа Тразимондо и племянник Папы Климента III!³⁶ Интересный собеседник, храбрый, решительный человек, Лотарио мог блеснуть разносторонней образованностью, так как учился богословию в Парижском университете и праву в Болонском. Последнее сыграло решающую роль в тот день, когда Лотарио был единогласно избран Папой Римским и принял имя Иннокентий III.

Неожиданно фигура начала подниматься вверх. Перед лицами летописцев, наблюдавших за привидением, мелькнули ноги в пурпурных сандалиях с вышитыми золотыми крестами.

Анна задрала голову и уставилась на красную моццетту³⁷, по сезону шелковую. «Впрочем, это ведь у нас лето, а ведь предыдущий Папа Целестин помер в январскую стужу», –

---

³⁵ Королевский учитель (*лат.*).

³⁶ Климент III, в миру Паоло Сколари (1105/1110 – 1191) – Папа Римский (19 декабря 1187 – 20 марта 1191 года).

³⁷ Моццетта – пелерина, короткая накидка с капюшоном, является элементом облачения в Римско-католической церкви.

пронеслось у нее в голове, и тут же, сандалии сами собой обернулись красными кожаными туфлями на крошечном каблучке, а моццетта из шелковой сделалась бархатной, отороченной соболем. Восхищенная таким преобразованием Анна подумала, что если бы Папа прогуливался по Ватиканскому саду или каким-то иным образом оказался на улице, в его наряд должны были бы войти алый плащ шарлахового сукна и красная шляпа, украшенная золотыми кисточками. Но таинственных превращений больше не происходило. Вместо этого очаровательный Иннокентий, улыбнувшись, погрозил Анне пальцем.

Если бы Лотарио пожелал избрать для себя светскую карьеру, он бы отлично прижился при любом дворе, так как был красив, умел подстраиваться под собеседника, обладал приятным голосом и настоящим певческим талантом. Кроме того, будущий Папа вел умеренный образ жизни, не бросал деньги на ветер, но и не скупился по пустякам.

Одним из первых деяний его, уже понтифика, стало приведение в порядок финансов Ватикана, что оказалось более чем своевременно. И если Фридрих Барбаросса боролся за абсолютную монархию под эгидой императора, которому как наследнику Рима и Бога на земле должны поклоняться все, включая Римскую церковь, то Иннокентий III возразил покойному императору, поставив во главу угла Папу, а точнее, мировое папское господство. С легкой руки Иннокентия римский епископ теперь представлял самого Бога, как доверенный сват представляет жениха!

Меж тем фигура задрожала красно-оранжевым светом, и кардинал – нет, теперь уже Папа – заговорил:

– Папа – представитель Бога, и он жалуется империи и королевства, делая своих избранников императорами и королями. Кому как не Богу известно, кто достоин быть Божиим избранником, а кто нет?

Если вассалы присягнули недостойному князю, Папа вправе освободить их от такой клятвы. Зачем сохранять верность тому, кто не сохранил верность Божественным заповедям? – Он лучезарно улыбнулся, встретившись взглядом с готовой грохнуться в обморок Анной. – Да не будет позволено хранить верность тому, кто сам не верен Господу! – Очаровательный Иннокентий оглядел с высоты своего престола внимающих ему, после чего произнес: – Я поставлен над Домом Господним, ибо мои заслуги и положение возвышаются над всем. Мне было сказано пророком: «Я дам тебе место над народами и королевствами». Мне было сказано апостолом: «Я отдам тебе ключи от Царствия Небесного. Раб, поставленный над всем Домом Господним, есть наместник Христа, преемник Петра, помазанник Божий, бог-фараон. Он поставлен посередине между Богом и людьми, менее величествен, чем Господь, но более величествен, чем человек; он может судить всех, но никто не может судить его».

Перед глазами узников «Греха», понимающих, что бежать им некуда, поплыли горы и петляющая между ними лента дороги, по которой скакал всадник в развивающемся черном плаще. Филипп Швабский, не выполнивший последнего поручения своего императора доставить его наследника в Германию, спешил теперь через Альпы на собственную коронацию...

Выборы проходили в Ихтерхаузене и Мюльхаузене, где Филипп имел особое влияние. Он ехал царствовать, и ему было плевать на малолетнего Фридриха, избранного княжеским собранием во Франкфурте в конце 1196 года. Когда еще тот явится заявить о поправленных правах? Впрочем, в случае избрания королем Филиппа, его племянник все равно оставался в очереди на престол, пусть не в первом, а во втором ряду, но ведь всякое бывает, люди смертны, и короли не исключение.

8 марта 1198 года Филиппа короновал архиепископ Тарантеза в Майнце подлинными знаками государственной власти.

А в это время Оттон Брауншвейгский – третий сын Генриха Льва и племянник Ричарда Львиное Сердце – уже готовился сесть на тот же трон. Во всяком случае, через четыре месяца 9 июля 1198 года епископ Адольф Кёльнский³⁸ возложил на его голову в Аахене фальшивую корону, так как подлинная уже украшала чело его противника. Оба лагеря ожесточились, предвкушая начало драки, но попытались для начала уладить дело миром.

Иннокентий же прекрасно понимал, что время работает на ситуацию, а он, дальновидный политик, сумеет в решающий момент воткнуть свой скипетр в образовавшуюся брешь или в слабое место той или иной партии. До решения проблемы силой дело пока не дошло: оба короля ожидали приговора Папы. Сам того не ведая, ожидал этого решения и четырехлетний Фридрих...

– ...поскольку недавно троих выбрали королями, – выразительный взгляд Папы в сторону лежащих перед Константином бумаг.

Несмотря на весь мистический ужас происходящего, юноша быстро записывал вслед за ним, время от времени поднимая глаза и кивая видению.

– Итак, – откашлялся Иннокентий, – троих выбрали королями – мальчика, Филиппа и Оттона. Мы должны принять во внимание три обстоятельства относительно каждого из них: что допустимо, что подобает и что выгодно³⁹, – на этот раз взгляд Папы скользнул под стол, где тихо причитала Анна.

Та мгновенно успокоилась, утерев слезы. Заняв свое место, она обмакнула перо в чернильницу.

Все это было так странно, что трубадур и бывший оруженосец невольно тоже сели, не сводя взгляда с Его Святейшества, на голове которого теперь появилась дивной красоты тиара с двумя ниспадающими лентами, вся испещренная золотой вышивкой. Тиара сверкала, отбрасывая во все стороны веселые лучики, отражая то ли свет факелов, то ли что-то другое, светящее в этот момент молодому Папе.

– На первый взгляд кажется недопустимым возражать против избрания королем мальчика – избрания, закрепленного присягой князей... – Иннокентий сделал паузу, добиваясь, чтобы его слова дошли до сердец слушателей. – Князья выбрали его по внутреннему убеждению и единогласно поклялись ему в безоговорочной верности, а некоторые принесли вассальную присягу. Недопустимо возражать против законных обещаний!

В зале как будто зашумели какие-то люди в красном – то ли в знак одобрения, то ли в качестве протеста.

– Когда этот мальчик узнает и поймет, что Римская церковь отняла у него его права, он откажет вам не только в подобающем благоговении, но и будет бороться с вами всеми возможными способами, разорвет ленные узы с Сицилийским королевством и не окажет вам привычного повиновения! Исходя из вышеизложенного, кажется допустимым, подобающим и выгодным возразить против его избрания.

Допустимым, так как прежние обещания являлись недозволенными, а выбор – безрассудным. Ведь вы избрали неподобающего ни для империи, ни для какого другого места чело века, а именно: ребенка около двух лет от роду, не принявшего даже Святого Крещения... И хотя присягавшие добровольно дали обеты, они выбрали его тогда императором для правления лишь по достижении законного возраста.

Вокруг Папы завертелась разноцветная буря, и тут же вместо красного собрания кардиналов его окружили серые, увешенные гобеленами стены и сидящие на креслах и стульях

---

³⁸ Адольф I – архиепископ Кёльнский с 1194 по 1205 год, граф Альтенский, из дома графов Берг, к которому в XII столетии принадлежали 5 архиепископов Кельнских.

³⁹ Цитируется по книге Эрнста Виса «Фридрих II Гогенштауфен. “Я”, обреченное на одиночество».

разряженные господа. Одетые в сверкающие доспехи воины держали факелы, освещая благородное собрание, а Папа продолжал, упиваясь собственным красноречием:

– Поскольку регент не может управлять империей, а император избирается на определенное время, Церковь не может и не хочет оставаться без императора и считает допустимым позаботиться о назначении другого... – Папа погладил кольцо, на котором, как все знают, изображен рыбак. До него было слишком далеко, и оставалось только догадываться, украшено ли оно драгоценными камнями или новый Папа пожелал, чтобы его кольцо отличалось показной скромностью.

Картинки вновь замелькали. Пламя факелов переливалось на отполированных доспехах, играло на драгоценностях, на ярких одеждах, на кубках, которые пажи и оруженосцы разносили по залу, угощая собравшихся князей. Часть слов Папы потонула в очередной цветной буре и раскате грома. Где-то истошно завопил одинокий колокол.

Тем не менее Константин и Анна записали слова Иннокентия относительно Фридриха: – Будет невыгодным, если он сохранит за собой императорскую власть, так как тогда Сицилийское королевство объединится с империей, а Церковь низвергнется в смуту. Ведь Фридрих, не говоря уже о других опасностях, не захочет дать Церкви присягу на верность и стать ее вассалом, как этого не сделал и его отец. Мнение, будто мешать его избранию негоже, дабы он позднее не обвинил Церковь в потере империи, не имеет значения. Никто не сможет с полным правом утверждать, что Церковь отняла у него империю, так как брат его отца, Филипп Швабский, в гораздо большей степени вторгся не только в империю, но и в его долю отцовского наследства. И намеревается силой занять владения его матери, для защиты которых Римская церковь трудится, не жалея усилий и расходов, употребляя мудрость.

Тут заговорило сразу несколько человек, так что ничего нельзя было понять. Утративший всякий страх Константин вскочил с места и чуть не исчез в нише, пытаясь разобраться, что предлагают ораторы. В последний момент оруженосец Фридриха умудрился схватить мальчишку за шиворот и рывком бросить обратно к каменному столу.

Впрочем, и бывший оруженосец и трубадур с самого начала знали, что Папа ополчился как против своего опекаемого, так и против его дяди Филиппа Швабского, подтверждая права Оттона Брауншвейгского. Трубадуры пели об Оттоне как о чрезвычайно сговорчивом баране, готовом пойти на заклятие, если того потребует его благодетель и хозяин. Благодетелем стал Папа, хозяином тоже.

Это ему 8 июня 1201 года Оттон принес в Нейссе заверенную присягу. Он обязался возвратить бывшие владения Римской церкви в Центральной Италии, постепенно подчиняя воле Папы всю империю, весь мир. Кроме того, будущий король божился не предпринимать никаких шагов без соизволения своего патрона. После чего Оттон официально утвердился на троне, сделавшись королем по соизволению Папы. В тот же момент все его противники, а стало быть, сторонники Фридриха и Филиппа, были единым махом отлучены от церкви.

Дальше пошла косьба, которую никто не ожидал: германский епископат противился неугодному королю, Папа через своего легата Гвидо Пренестского угрожал епископу анафемой, благодаря чему епископ Конрад фон Вюрцбург⁴⁰ и архиепископ Эберхард II фон Зальцбург⁴¹ примкнули к гвельфам, а вслед за ними перестали сопротивляться почти все саксонские епископы.

---

⁴⁰ Конрад фон Вюрцбург (1220/1230 – 1287) – немецкий средневековый эпический и лирический поэт, писатель-дидактик.

⁴¹ Архиепархия Зальцбурга стала княжеством-архиепископством в 1213 году, когда архиепископ Эберхард II Регенбургский получил титул имперского князя. После того как в 1245 году на Лионском соборе Папа Иннокентий IV отлучил от церкви своего врага – императора Фридриха II, Эберхард, как и большинство немецких князей, отказался поддержать это решение, за что был тоже отлучен от церкви.

Летом сдались Оттокар Богемский⁴², а ландграф Герман I Тюрингский⁴³ все еще колебался, выискивая лазейку. После чего король Оттон IV пленил архиепископа Гартвига Бременского, заставив его признать волю Папы. Был отлучен от церкви верный маленькому королю архиепископ Людольф Магдебургский, а епископ Дитрих Утрехтский отстранен от занимаемой должности. После этого епископы городов Метца и Трира вернулись под власть Папы, а король Богемии Оттокар и ландграф Тюрингии Герман I послали войска против Филиппа. Поняв, что Штауфены обречены, отлученный архиепископ Магдебургский был вынужден покориться Папе. Вслед за ним сдались епископы Гартвиг Аугсбургский, Дитрих Мерзебургский, Экберт Бамбергский и Вольфгер из Пассау. После чего Папа Иннокентий III сам призвал ломбардские города признать Оттона IV.

– Казалось бы – ничто уже не поможет Штауфенам, – вдруг сорвавшись с места, начал нараспев трубадур, следуя мелькающим перед глазами картинкам, – как вдруг Папа с удивлением для себя обнаружил, что, может, он и представитель Бога на земле, но уж точно не Бог. Кто бы мог подумать, что в один прекрасный день от короля-марионетки отречется его брат Генрих, пфальцграф Рейнский⁴⁴? Затем – ландграф Тюрингии Герман, Оттокар Богемский, герцог Генрих Брабантский⁴⁵ и архиепископ Кёльнский Адольф. А дальше переход из лагеря Оттона к Филиппу напоминал уже обвал в горах: епископы Падеборна, Страсбурга, Оснабрюка, Мюнстера и Люттиха, аббаты и священники Ксантена, Святого Куниберта в Кёльне и в Корвее...

– Все возвращалось на круги своя, – вторил трубадуру Вольфганг, – 6 января 1205 года Филипп Швабский короновался во второй раз в традиционном месте в Аахене архиепископом Адольфом Кёльнским, полномочным представителем Папы при совершении таинства миропомазания.

Оттон сохранил за собой только Кёльн, да и то ненадолго. Отлично понимая, что оставаясь живым и непокоренным, противник может вновь собрать вокруг себя огромную армию, 27 августа 1206 года Филипп окончательно уничтожил войска Оттона IV в битве при Вассенберге, после чего Кёльн также подчинился новому королю.

А потерпевший поражение Иннокентий немедленно вступил в переговоры с Филиппом, предложив тому высказать свои претензии к Римской церкви, если таковые имеются. Однако благородный Филипп не собирался поминать былых обид, мало того, он был готов поддерживать Церковь, собираясь выделить средства на новый крестовый поход.

– Растроганный Иннокентий тут же предложил Филиппу выдать его дочь, помолвленную прежде с баварским пфальцграфом Оттоном Виттельсбахским⁴⁶, за своего племянника. Король согласился. Об этом стало известно летописцу и честнейшему человеку в империи Бурхарду Уршпергскому – вашему отцу, Анна и Константин! Приветствуйте его стоя! – орал Вальтер.

– В этом и заключалась роковая ошибка несчастного короля. 21 июня 1208 обиженный отказом жених заколол Филиппа в епископском дворце в городе Бамберге, – Фогельвейде рубанул в воздухе культей.

– Так свершился Божий суд! Бом-бом! – запел оруженосец, изображая, будто раскачивает язык большого колокола. – Бом-бом...

⁴² Оттокар (1155–1230), король Богемии (1198–1230), был младшим сыном короля Владислава II.

⁴³ Герман I (ок. 1155–1217) – ландграф Тюрингии с 1190 года, пфальцграф Саксонии с 1181 года, второй сын ландграфа Людвиг II Железного и Ютты фон Штауфен, дочери герцога Швабии Фридриха II Одноглазого.

⁴⁴ Генрих Старший, также известен как Генрих Длинный (1173/1174–1227) – пфальцграф Рейнский в 1195–1212 годах (под именем Генрих V), граф Брауншвейга с 1195 года, из династии Вельфов.

⁴⁵ Генрих I Смелый (1165–1235) – граф Брюссельский (1179), первый герцог Брабанта (с 1183 года) и герцог Нижней Лотарингии (с 1190 года). Граф Лувена, маркграф Антверпена. Участник Третьего крестового похода.

⁴⁶ Оттон Виттельсбахский (ум. в 1209 г.) – племянник Оттона I Виттельсбахского.

– Но он не принес короны четырнадцатилетнему Фридриху, в очередной раз водрузив ее на свиной рыло Оттона! – выкрикнув последнюю фразу, трубадур схватился за сердце и, побледнев, упал на пол.

В очередной вспышке молнии картинка с истекающим кровью королем вспыхнула и тут же погасла. На полу, в луже красного вина, лежал потерявший сознание Фогельвейде...

* * *

На следующий день все свидетели наваждения проснулись в своих постелях.

– Ох и сильно же я перебрал вчера за ужином! – сокрушался оруженосец.

Трубадур был непривычно молчалив. Одна только Анна болтала без умолку о красоте папского облачения, и как понравился ей приснившийся ночью собор и огромный зал с дивными гобеленами. Понимая, что все они в эту ночь видели во сне одно и то же, взрослые подавленно молчали, а Константин едва не помер, обнаружив на столе исписанные своим почерком листки.

– Этот замок носит имя «Грех», и все мы грешим, даже просто находясь здесь, – объяснил происходящее Рудольфио, пришедший забрать очередную порцию записок.

– Доложите, пожалуйста, сеньору, – зачесав пальцами всклокоченные со сна светлые с обильной проседью волосы и горделиво выпрямив спину, Вольфганг Франц выступил перед Рудольфио, точно произносящий вызов рыцарь, – что мы не желаем больше быть свидетелями дьявольских наваждений и...

– И что? Покидаем этот негостеприимный замок? – рассмеялся Рудольфио. – Хотел бы я знать, как у вас это получится?

В результате все утро летописцы проговорили, так и не сев за работу. В положенный час приставленный к ним смотритель-монах обнаружил пустые листы, на основании чего, запретил слугам нести им завтрак. Кроме того, он пригрозил лишить лентяев обеда и ужина, если те не возьмутся за дело и не продолжат порученный им труд. После этого мнения, следует ли продолжать работу, губя свои бессмертные души или лучше выждать удобного случая и напасть на охрану, разделились.

Глава 8. Соколиный король

– Кто изображен на этом гобелене? – точно замороженная Анна впиалась глазами в красивую даму в красно-золотых одеждах с темным соколом на толстой, подбитой мехом перчатке.

– Кабы знал я такую красавицу... – мечтательно протянул оруженосец.

Девочка снова была в своей одежде, которая не шла ни в какое сравнение с нарядами изображенных на картинах дам. Она с сожалением посмотрела на обтрепанный подол своего платья, но неожиданно показала рукой на птицу.

– А! Это чеглока – любимый сокол королевы Элеоноры Английской, матери короля Ричарда Львиное Сердце, – с готовностью пояснил Вольфганг Франц. – Видите, какой он крохотный, хотя для дамских ручек и такой малыш сушая тяжесть. Рыцари предпочитают крупных соколов: сапсан, кречет, балобан весят, как грудной младенец или курица. А держать их следует вот как эта дама, на слегка отведенной и согнутой в локте руке, на специальной перчатке или рукавице. Уверен, будь у нас тут не крупный сокол, такой как чеглока или дербник, уж вы бы тогда показали всем, как следует охотиться благородным людям!

Услышав похвалу, девочка зарделась, и это приободрило Вольфганга.

– Во время состязаний особенно ценятся те соколы, которые ловят добычу в воздухе, нападая на жертву стремительным броском, «ставкой».

– Ставкой, – повторила Анна, радуясь, что на нее наконец обратили внимание.

– Вот именно! – повеселел старый оруженосец. – Сапсан, кречет, балобан сначала догоняют свою жертву, а потом идут резко вверх, – он поднял свою руку над головой девочки, – складывают крылья, вытягивают лапы и падают резко вниз на добычу!

Анна взвизгнула, когда Вольфганг Франц схватил ее за шиворот. Попыталась вырваться, но тот вдруг оторвал ее от пола и, подхватив другой рукой за талию, закружил по залу, пока оба они не шлепнулись на мозаичный пол, весело хохоча.

– Если «ставка» удалась, сокол настигает жертву, не давая ей коснуться земли. Такие соколы называются благородными. Но самый благородный из всех соколов, – оруженосец поднялся и, подав руку, помог девочке встать, а затем повел ее к другому гобелену, – носит имя кречет. Вот он – белый, точно снег. Лучший из лучших, подлинный король соколов! Когда кречет живет на природе, то любой птице позволительно вить гнезда и выращивать птенцов подле Его Птичьего Величества, потому что тот при случае и защитит, даст отпор даже лисе или кунице!

Фридрих с детства мечтал о белом кречете. Да что там мечтал! Бредил! Когда ему эта птица являлась во снах, целый день проходил очень хорошо. Но вот купить белого кречета король не мог, хотя много раз просил своих наставников и сенешаля послать гонца во Фландрию, где выращивали самых сильных и красивых особей.

Фридрих пересказывал мне написанную одним арабом книгу о пользе птиц. Не знаю, сам ли он читал ее, или кто-то поведал юному королю ее содержание, но Фридрих мечтал когда-нибудь устроить соколиную охоту на уток при свете полной луны, как это делали в землях неверных.

Когда же ему действительно подарили первого сокола, в мире трудно было бы отыскать более счастливого мальчика! Крохотного дербника Фридрих расхваливал так, словно на его руке сидела сама оперенная удача!

Поначалу, когда приехавший в Апулию канцлер Вальтер фон Пальера извлек из специальной походной клетки свой подарок и торжественно посадил птицу на руку тринадцатилетнему королю, Фридрих очумел так, что даже не поблагодарил Его милость, о чем не раз сожалел позже и каялся.

Он не только не сказал доброго слова дарителю, но и не заметил, что ему позабыли подать специальную рукавицу. Посланник был слаб глазами, а приехавший с ним его юный племянник Гансало, находившийся при дяде в статусе оруженосца, клевал носом от усталости и жары... Вот и получилось, что птица вцепилась когтями в незащищенную руку Его Величества, а тот от счастья даже не заметил боли!

Потом, уже позже, мне, как оруженосцу короля, был доверен клобучок, и я начал постигать науку воспитания соколов и ухода за ними.

– А Фридрих нашел своего белого кречета? Он вырос и купил его себе? – Анна была очарована рассказом.

Константин что-то записывал сидя за столом. Вальтер и пожелавший проследить, как идет работа, Рудольфио о чем-то шушукались.

– Да, милая принцесса. Но мы заболтались, нас уже ждут. Не хотите же вы, чтобы хозяйка этого гостеприимного «Греха», – кивок в сторону слуги сеньора, – лишили нас обеда? Честно говоря, я уже привык хорошо питаться.

– Я не принцесса! – помотала головой Анна. – Но, скажите же самое главное, он охотился с белым кречетом в лунную ночь?

– Охотился, охотился... Скажу больше. Когда он рассказал об этой своей мечте султану аль-Камилу⁴⁷, у того выступили слезы умиления на глазах – так хорошо и складно говорил наш молодой король, таким красивым в этот момент он был! Белое благородное лицо, синие как море, лучистые глаза и золотые, рассыпанные по плечам волосы... «Да вы, мой друг, истинный поэт!» – промолвил аль-Камил, после чего подарил королю белого благородного кречета и охоту в лунную ночь. Они вместе преследовали дроф, куропаток, уток, а позже, по дороге к султанскому лагерю, еще и зайцев.

Всю добычу приготовили потом султанские повара, и она благоухала рядом с дивными фруктами и только что испеченными лепешками. Мясо ели руками, лепешки макали в мед, а прекраснейшие из женщин танцевали для султана и короля, звеня золотыми украшениями. Эх, было время! Хотел бы я сказать, что вино лилось рекой, но то было бы неправдой, потому как в землях султана всякое вино запрещено законом. Так что, как бы ни хорошо у султана, а христианская душа там нипочем не прижилась бы.

– А что было потом? – не отставала Анна.

– Потом? – Вольфганг Франц погладил девочку по голове. – Потом трубадуры сочинили сто песен об охоте в лунную ночь, и аль-Камил подарил нашему королю Иерусалим!

---

⁴⁷ Аль-Малик Аль-Камаль Насер Аль-Дин Абу Аль-ма'Али-Мухаммед (1180–1238) – курдский правитель, четвертый из Айюбидов, султан Египета.

Глава 9. Портрет короля

– Я теперь тоже буду мечтать о соколиной охоте в лунную ночь, – усаживаясь за каменный стол и раскладывая перед собой бумаги, чуть ли не пропела Анна.

– Благодарю вас, сеньор Франц, я записал ваши воспоминания. Не могли бы вы уточнить, если, конечно, знаете, – Константин порылся в записях, – с какой целью Его милость канцлер Вальтер фон Пальера посетил Фридриха в его замке?

– Но я всего лишь рассказывал сеньорите о соколах... – удивился старый оруженосец, переводя взгляд с одного узника замка «Грех» на другого. – А впрочем, разумеется, знаю. В четырнадцать лет Фридрих достиг того возраста, когда Иннокентий был просто обязан отпустить его из-под опеки. Отказывая ему в короне Германии, Папа ясно выразился, что мальчик-король избран почтеннейшим собранием со дня своего совершеннолетия. Так что канцлер явился в замок с конкретной целью – посмотреть на короля и решить, годен ли тот для чего-либо, или...

– Или? – застыла с пером в руке Анна.

– Ваш предок – бастард принца Иоанна, насколько я понял, так и не сел на престол, да и вы оба вряд ли когда-нибудь коронуетесь Византийской короной. Я прав? – покосился на мальчика Рудольфио.

– Да. Мы можем только гордиться присутствием в нас королевской крови, – сдвинул брови Константин. – Возможно, в дальнейшем это поможет мне устроиться на службу и выдать Анну замуж.

– Вот именно. Оттого никто из ваших родственников по близким к престолу линиям и не стремится выпустить вам кишки. В то время как Фридрих с трех лет был королем Сицилии и имел право в том числе и на отцовское наследство.

– Теперь понятно. – Константин извлек из рукава два свитка и, развернув их, с поклоном протянул Вальтеру. – Сегодня утром наш гостеприимный хозяин вручил мне эти письма, чтобы я мог переписать их для нашей летописи. Должно быть, это то самое описание, которое сделал канцлер или кто-то из его свиты, после посещения Фридриха.

Трубадур бегло просмотрел текст и протянул его оруженосцу. Тот, однако, не удостоил бумаги вниманием, после чего вернул письмо мальчику и благосклонно кивнул, чтобы тот прочитал написанное вслух:

– «Фигуру короля ты можешь представить себе соответственно возрасту, не меньше и не больше. Но природа наделила его выносливыми, сильными членами и крепким телом. Никогда не сидит на месте, весь день в движении. Чтобы проверить свою силу упражнениями, он тренируется и умеет обращаться со всеми видами оружия. Вот оружие в его руке, вот он взмахивает мечом, которым владеет лучше всего... Натягивать лук и попадать в цель копьем он выучился благодаря долгим тренировкам. Отборные, быстрые скакуны – его друзья. Никто не сравнится с королем во владении уздой и шпорами. Весь день до наступления ночи он упражняется то с одним, то с другим оружием, а также посвящает еще несколько часов чтению и трудам по истории.

Его поведение выдает королевское происхождение, а выражение лица и властная величественность явно принадлежат повелителю. Его высокий лоб и добрые блестящие глаза притягивают взоры гостей, люди ищут его взгляда. Пламенный, остроумный и понятливый, он ведет себя несколько неблагопристойно, но это исходит не из его натуры, а скорее является следствием общения с грубыми людьми. Меж тем его королевские манеры и благая склонность к доброте постепенно избавят его от всего дурного.

Он не переносит указаний и во всем полагается на собственную голову. Насколько можно видеть, ему кажется позором подчиняться опекуну и быть мальчишкой, а не королем.

Поэтому он всячески избегает любого надзора со стороны опекуна и часто переходит границы того, что подобает королю (отчего, конечно, весьма страдает его репутация)»...

– Мой король! Как живой! Таким я и запомнил Фридриха. Таким он останется в моем сердце навсегда, – восторженно произнес Вольфганг Франц.

– «...Благодаря своему усердию он развит не по годам и обладает такой мудростью, которая приобретается зрелым мужчиной в течение многих лет. Не стоит считать годы его жизни и ждать дня его совершеннолетия, потому как он есть владыка по величию и муж по разумению», – закончил чтение Константин. – Это не само письмо, а список с письма, тут не указано, кто пишет и к кому оно обращено, но...

– Наш благородный тюремщик ночью проглядел листки и знал, что сегодня мы можем подойти вплотную к самой личности императора, – догадался трубадур. – Так что эта характеристика юного короля пришлась ко двору, – он вышел на середину и поклонился на все четыре стороны. – Уверен, что старый Спрут наблюдает за нами через какую-нибудь незаметную щелку, – пояснил трубадур свои действия остальным.

При слове «Спрут» Рудольфио подавился довольным смешком.

– Впрочем, я уже говорил, что не намерен более оставаться без еды, а посему вношу свою лепту в сегодняшнюю порцию историй о Фридрихе. – Вальтер сделал паузу, дожидаясь, покуда Константин отточит свое перо. – Итак, Папа поддерживал претензии Фридриха относительно его сицилийского наследства и при этом не желал видеть его на престоле римского императора, так как полагал, что нельзя сосредоточивать так много власти в руках одного человека. Таким образом, в Германии правили регенты Марквард фон Анвейлер⁴⁸ (названный Папой в своем письме⁴⁹ к Совету «врагом Бога и церкви») и Вильгельм Каппароне⁵⁰. А на материковой части Сицилии Дипольд фон Швайнспойнт⁵¹ боролся против полководца Папы, графа Готье де Бриенна⁵² и канцлера Вальтера фон Пальяра.

Впрочем, на Маркварда точили зубы и сторонники Фридриха, которого тот величал в лучшем случае «не имеющим права на престол». Скинув Фридриха, Марквард рассчитывал занять сицилийский трон сам. Поэтому в январе 1199 года он изгнал войска Папы из города Сан-Германо, после чего неожиданно метнулся на Сицилию, где закрылся в городе Палермо.

Папа послал свои войска, которые разбили воинские силы Маркварда близ Монреале и затем нанесли удар при Таормине. Папа был готов добить поднявшегося на него смутьяна, но неожиданно «божье» войско начала подкашивать эпидемия чумы, и Иннокентий счел за благо вернуть войска в Южную Италию.

Все эти победы осуществил папский ленник канцлер Вальтер фон Пальяра, но тут произошло то, что пошатнуло позиции канцлера. Прошел слух о том, будто Папа собирается передать сицилийский трон графу Готье де Бриенну, женатому на одной из дочерей короля Танкреда. Канцлер понимал, что пока королем остается несмышленный мальчишка, он сам сможет спокойно управлять королевством обеих Сицилий, стоя за тронном. Что же до перспектив увидеть на этом самом троне своевольного де Бриенна, которому не нужен ни советник, ни тем более управляющий его делами... Это не могло устроить канцлера, потому он ввел своего брата, графа Джентиле Манупелло в семейную коллегию, куда вскоре был приглашен и враг Папы Марквард фон Анвейлер. Вместе они отправились бить Готье де Бриенна.

---

⁴⁸ Марквард фон Анвейлер (ок. 1140–1202) – герцог Романьи и маркграф Анконы (с 1197 года). Приближенный императора Генриха VI. Отлучен от Церкви Целестином III и Иннокентием III, который в 1199 г. провозгласил против Маркварда крестовый поход.

⁴⁹ От 18 декабря 1198 года.

⁵⁰ Рыцарь-авантюрист, выходец из германских земель.

⁵¹ Граф Ачерры.

⁵² Зять короля Танкреда, муж его дочери Марии Альбини.

На время похода канцлер передал своему брату Джентиле столичный город Палермо, куда был доставлен и Фридрих. Юный король наконец-то оказался в своих владениях. Но в каком статусе?!

– Простите, благородный Рудольфио, но по дороге вы говорили, что Джентиле Манупелло – отец нашего хозяина? – встрепелась Анна.

– И подтверждаю это! – Рудольфио пожал плечами. – Хозяин – единственный его сын и наследник.

– Простите, я просто... – Анна густо покраснела.

– Просто услышала знакомое имя, – помог ей Рудольфио.

Фогельвейде продолжил:

– ... На этот раз удача не улыбнулась воинству канцлера, несмотря даже на поддержку Маркварда. Готье де Бриенн разбил их. Так Пальера заработал свое первое отлучение от церкви с конфискацией всех владений, а бежавший с поле боя Марквард развернул войска и неожиданно для всех осадил родное Палермо.

Узнав о предательстве вчерашнего союзника, Джентиле срочно перевез юного короля в крепость Каstellо-а-Маре, что возвышается над портом Палермо. После чего бежал оттуда, предоставив Маркварду захватить беззащитного и безоружного юношу.

– Да. Все воистину так. Я был там с Фридрихом и свидетельствую как перед Господом, что трус Джентиле, пусть он хоть трижды отец нашего хозяина, предал нас. Впрочем, официально это звучало как «поехал за необходимым при осаде провиантом», – приосанился Вольфганг Франц. – Мы, мальчишки из свиты Фридриха, украшающие свою одежду сделанными из шелка бабочками-крапивницами, пытались оборонять стены, но нас заперли в комнатах, отведенных под королевские покои, и выпустили лишь когда ворвавшийся в крепость Марквард потребовал предъявить ему живого короля.

Решив, что Фридриха хотят убить, я вышел к предателю, заявив, что король – это я. Слуги и учителя Фридриха поддержали бы обман. Марквард знал лишь, что король юн и невысок ростом. На всякий случай, я нацепил на голову шляпу, полагая, что вряд ли предатель не слышал о том, что король рыжий. Но Фридрих запретил мне жертвовать собой и возмущенно выскочил вперед.

– Второе письмо, переданное хозяином нашего замка Константину, как раз повествует о тех событиях, – помахал листком довольный наличием подобного свидетельства Фогельвейде. – Написал его архиепископ Рейнальд Капуанский – родственник канцлера фон Пальера и его трусливого братика, и адресовано оно к Папе Иннокентию III: «Горе мне! В понедельник 5 ноября сего года посол от Вильгельма Францизиуса из города Палермо прибыл в ту местность, где я живу, с чрезвычайно печальной и достоверной вестью – придворный кастелян фон Аккарино и его соратники выдали Маркварду короля, дворец и упомянутого Вильгельма Францизиуса, учителя короля, в третьем часу дня»...

При упоминании имени Вильгельма Францизиуса все как по команде уставились на оруженосца, а тот вдруг покраснел до ушей, моментально отвернувшись и сделав вид, будто заинтересовался своими старыми сапогами. Во всяком случае, он принялся придирчиво осматривать загнутые голенища, отряхивая с них невесть откуда взявшуюся пыль.

– ...«Когда мальчика предали неверные охранники, заслуживающие всяческих проклятий, – продолжил трубадур, – он, юный король, увидев свое неизбежное заключение, заплакал, но сумел защитить сам себя. Мальчик не мог не выказать рыцарям свое королевское достоинство и прыгнул навстречу обидчикам, попытавшись схватить за руку того, кто посягнул на него – помазанника Божия. Затем он расстегнул королевскую мантию и, преисполненный боли, разорвал одежды, расцарапав свою нежную плоть».

Стало быть, тринадцатилетний король сначала заплакал, а затем бросился на врагов?

– А что еще он мог сделать? – пожал плечами взволнованный донельзя оруженосец. – Каждый может заплакать от обиды, что не помешало ему, однако, собраться и принять бой... И совсем незачем было моему дядечке описывать короля в минуту понятной слабости. Все грамотеи на один подлый манер скроены – хлебом их не корми, дай поглумиться! Эх, жалко, в тот момент меня уже крепко держали два неулыбчивых парня!.. Впрочем, в отличие от короля меня бы зарезали, окажи я сопротивление.

– Всем королям, и далеким и близким,
В княжествах, царствах, на всем белом свете
Ваш венценосный собрат Сицилийский,
Фридрих Второй посылает приветы.

Сын венценосца, наследник короны,
Вскормленный матерью-императрицей,
Жил сиротою, отторгнут от трона,
Жил и не помнил родные лица.

Воду и хлеб отмеряли мне скудно,
Вовсе отняв королевскую волю.
Было мне горько и было мне трудно.
Жить и просить – незавидная доля.

И окруженный толпой иностранцев,
Вижу, считаю, повергнуть не в силах
Варваров, галлов и подлых тосканцев,
И сицилийцев, и немцев постылых...
Именем правды, именем Бога
Именем Родины, именем Рая —
Братья во троне, дайте подмогу!
Я заклинаю, я умоляю!⁵³

Эту песню написал юный Фридрих, ее удалось передать на волю и горестные строки понесли по всему миру, к подножию тронов и к престолу Его Святейшества, – слабо улыбнулся трубадур, точно вслушиваясь в далекую музыку. – Не правда ли, прекрасная?..

* * *

Меж тем живущему в застенках, Фридриху исполнилось 14 лет, и на Рождество он получил письмо от Папы, в котором тот милостиво отпускал его из-под опеки.

– Помню, Фридрих стоял тогда как громом пораженный, не понимая, что сие могло бы значить. Он все еще был пленником. Одна цепь упала, но что значит одна цепь, когда вокруг тебя каменный мешок и нет ни малейшего способа бежать? Не означает ли это, что теперь он целиком и полностью предоставлен сам себе и должен самостоятельно выкарабкиваться из сложившейся ситуации? Что церковь в лице Папы отворачивается от него, и Иннокентий, подобно Понтию Пилату, умывает руки? – Вольфганг Франц вздохнул. – Нет, нас не посадили в подвал с крысами, не заперли в высокой башне! Мы так и жили в замке, из которого не могли выйти. День за днем одни и те же опостылевшие комнаты. В определенное время –

---

⁵³ Перевод В.Тушина.

трапеза, в определенное – уроки. Мы изнывали без свежего воздуха и возможности убраться куда подальше. Наедине мы строили планы кровожадной мести, соревнуясь в изобретении пыток, но...

Чуть ли не каждый день Фридрих требовал, чтобы ему позволили отправить письмо Папе. Кроме Его Святейшества он писал и Конраду фон Урслингену, герцогу Сполето, в замке которого прошло его раннее детство – в надежде, что тот силой оружия вызволит его из плена...

В какой-то момент Его Величество обратился ко мне с просьбой, попробовать выбраться из замка по веревке из простыней, дабы отнести Конраду такое письмо и королевский перстень. В благодарность за спасение Фридрих обещал герцогу жениться на его дочери Адельхайд, которую никогда прежде не видывал, так как его забрали из Сполето в три года, когда предполагаемая невеста еще не родилась.

– И Фридрих выполнил обещание? Женился на юной Адельхайд? – не сдерживая волнения, выпалила Анна.

– В некотором роде, милая, в некотором роде... – Улыбнулся трубадур. – Впрочем, граф Сполето и не думал спасать короля, так что, Фридрих... мм... не женился.

– Его сиятельство понятия не имел о планах на его счет сицилийского короля, так как меня из замка-то и не выпустили. Ночью я действительно выбрался из окна по веревке из простыней, но... проклятая веревка кончилась, когда до земли оставалось еще порядочно. Поняв мои затруднения, король помахал, чтобы я поднимался обратно, ребята дружно потащили меня наверх... Тут веревка не выдержала, и я шлепнулся на головы стражников, делавших обход. Как только они не убили меня тогда?!

Убили бы, ясное дело, но на мое счастье, как раз в то время прискакал гонец со скорбной вестью, что наш тюремщик Марквард фон Анвейлер помер от неизлечимой болезни в своем семейном замке.

Восемь месяцев длилось правление Маркварда, и все это время король изнывал в неволе, не имея возможности хоть что-нибудь сделать. Когда же Марквард преставился, на его место заступил Вильгельм Каппароне, что никоим образом не повлияло на положение Фридриха.

И вот тут совершенно неожиданно начал действовать сам Папа! Первым делом он направил Дипольда фон Швайнспойнта, графа Ачерры, с четким приказом вызволить Фридриха. Вояка Дипольд, освобожденный от анафемы и жаждущий доказать свою верность Церкви, путем переговоров убедил Каппароне уступить ему Палермо и юного короля со всей мальчишеской свитой и учителями. После чего доставил всех к канцлеру Вальтеру фон Пальяра, который к тому времени снова помирился с Папой, и был прислан оказывать всяческую помощь в деле освобождения Фридриха.

В честь молодого короля и его героических спасителей был устроен настоящий пир. Во главе стола, между Дипольдом и Пальяра, раскрасневшийся от вина песен и здравиц восседал Фридрих. Вся его свита присутствовала на пиру, ошалевшая от свободы. Мы ходили на руках, хватали мясо из больших разрисованных блюд, глотали пьянящее вино, вкус которого теперь называли вкусом свободы.

В углу на специальном настиле лежали собаки канцлера, и если в начале праздника, им доставались от нас куски хлеба, щедро политые салом и мясным соусом, то к концу празднования мы все уже дрыхли в объятиях своих новых четвероногих друзей. Король уже давно спал за столом, уткнувшись щекой в тарелку. Поэтому никто из нас и не заметил, как, по обвинению в якобы планируемом предательстве, был арестован наш герой Дипольд. На следующий день канцлер поведал об «измене» Фридриху, мучавшемуся головной болью, а мы слушали эту весть, образовав кружок на полу, не зная, верить ей или не верить.

Потом, когда канцлер покинул Фридриха, клятвенно пообещав, что теперь-то все изменится и юноша сядет на престол Сицилии, все начали орать, кто во что горазд, высказывая собственные версии происходящего. Один только король оставался спокоен и тверд. Дождавшись, когда мы укричались до хрипоты, он сообщил, что с этого момента канцлер – его лучший друг и самый близкий человек, и мы, если, конечно, желаем и впредь сохранять королевскую благосклонность, обязаны чтить «этого святого человека».

Глава 10. 500 рыцарей

Подарив Фридриху свободу, Иннокентий вскоре огорошил своего бывшего подопечного новым сюрпризом, предложив ему обручиться с младшей дочерью Арагонского короля. Что тот и сделал. Разумеется, заочно, в благодарность за освобождение и даже не поинтересовавшись внешностью невесты.

Впрочем, до свадьбы дело не дошло. Фридриха же доставили с почестями на трон Сицилии, где к тому времени не осталось ни денег, ни армии, ни порядка.

– А как звали принцессу Арагона? – оторвавшись от записей, поинтересовалась Анна.

– Не помнишь, как ее звали? Пели тогда о ней? – обратился оруженосец к казалось, задремавшему трубадуру.

– О Дульсе Арагонской не пели. Знаю только, что после того, как Фридрих отказался на ней жениться, она сделалась смиренной монахиней. О Констанции, первой жене Фридриха, пели. И много. А о Дульсе?.. Кто вообще знал, что Фридрих, с кем-то там обручен? Вот если бы свадьба... Встреча невесты, дамы и господ в красивых нарядах, герольды трубят, придворные музыканты едут за молодыми в каретах, флаги, цветы, празднично убранный собор, тысячи свечей, мальчишки с факелами... торжественный обряд!.. А Дульсе так и не приехала, чего о ней петь-то? Вот о Констанции – другое дело. Констанцию все любили.

– Ее звали так же, как маму короля? – уточнила наблюдательная Анна.

– Да, моя милая, – улыбнулся трубадур. – И она тоже была старше своего мужа, но теперь уже на целых пятнадцать лет!

– Расскажите эту историю! – Глазки Анны блестели. – Может, не сейчас, чтобы не мешать господину Францу, а позже.

– Отчего же не сейчас, когда мы практически уже подошли к первой женитьбе нашего обожаемого короля? – притворно удивился оруженосец и, низко поклонившись, предложил трубадуру выполнить пожелание прекрасной юной донны и спеть во славу Констанции и всего Арагонского дома.

– Донна Констанция – дочь арагонского,
доброго, щедрого короля Альфонсо
и королевы Санчи Кастильской,
женщины набожной и незлобивой,

– начал нараспев Фогельвейде, —

сестры Педро II.
В девятнадцать лет ее выдали замуж
за венгерского Имре – короля славного.
И через год, родила королева
принца наследного, нежного Ласло.
Славили люди Бога и Имре,
пили вино, трое суток плясали.

– трубадур прижмурил единственный глаз, перебирая струны невидимой арфы, и явно наслаждаясь повестью. —

Пять лет прошло и добрейший Имре,
отдал трон сыну, опасаясь,

как бы коварный брат его Андраш
не отобрал у младенца корону,
когда короля Имре не станет.
Впрочем, судьба у наследника злая:
Имре не стало, и Андраш стал править,
запер Констанцию в башне тюремной.
Коварный властитель, не к ночи помянут!
Трень, брень. Что делать бедняжке?
Заручившись подмогой рыцарей верных,
бежала голубка с маленьким сыном
в чужую им землю, в Вену австрийскую.
Горе летело за нею по свету,
крошка-король заразился и помер.
Помер, достигнув Вены печальной,
на руках у Констанции и Леопольда.
Злой же Андраш сел на престоле,
ел и рыгал, пил и пьяным валялся,
громко орал и смердел, как скотина.
Трень-брень, струны серебряные,
трень-брень на лютне золотой.
Констанция стала на время свободной.
Неутешную мать вернули обратно
и в монастырь заточили в Сихене.

Трубадур перевел дыхание и продолжил:

– Вот молится бедная год, два, четыре...
Меж тем беспокойно в родном Арагоне.
Брат ее – царственный Педро —
брак с докучной супругой мечтает расторгнуть,
о чем пишет Папе, моля о подмоге.
Трень-брень – золото струны, души трубадура...
И Папа ответ ему шлет аж из Рима,
что, коли желает король королеву постылую выгнать,
то чтоб по закону все, шито да крыто!
Нужно сеструху, что года четыре без дела томится
в обители чистых, отдать спешно замуж,
за юного Фридриха. Да в путь собираться.

– Не понимаю, как это ты до сих пор жив и утратил только руку и глаз? – изумился песне Вольфганг Франц. – Впрочем, я ничего не знаю о жизни донны Констанции до ее замужества, так что не могу с тобой спорить. Добавлю только, что Фридрих отказался от Дульсе, которая была старше его всего на два года, в пользу Констанции, старше его аж на пятнадцать лет, исключительно из-за того, что в качества приданого к юному королю переходило пятьсот испанских рыцарей в полном вооружении, на конях и с оруженосцами! Кстати, бывшего супруга Констанции у нас называли не Имре, а Эммерих, но это, пожалуй, не столь важно.

Не задумываясь, Фридрих принял щедрое предложение в надежде наконец навести порядок в собственной стране. Папа ответил ему сразу же, пообещав, что при благоприят-

ных обстоятельствах невеста прибудет в Палермо в марте, сопровождаемая рыцарями. Но в реальности ждать пришлось до 19 августа, когда их обвенчали в кафедральном соборе Палермо.

А через две недели наш король Фридрих, игнорируя подписанный его матерью конкордат, попытался посадить на освободившееся архиепископское место в Палермо своего человека, утверждая таким образом пресловутое «королевское право». Его ставленник продержался недолго: Иннокентий объяснил настоящее правовое положение, и Фридрих был вынужден уступить.

Я мало что понимал в политике, полагая, что когда наш король возьмет верх, мы приобретем самых лучших соколов и каждый день будем охотиться или плавать, и уж точно у каждого появится хотя бы по одной женщине.

В то время я был зол на мальчика по имени Таддеуш: ему на дам везло как черту, в пору святую инквизицию призывать на помощь! Стоило только кому-то из наших признаться, что вздыхает по фрейлине, а этот уже бахвалится, что-де была у него одна такая... Это теперь-то я понимаю, что врал мерзавец. А тогда если чего и хотелось, так прирезать подлеца.

В то время лично я обхаживал дочку нашего капитана, а Фридрих, несмотря на супружеские обеты, серьезно увлекся дочерью одного графа. В год, когда пастушок Стефан во Франции и за ним пастушок Николаус в Германии возвестили о своем небывалом крестовом походе, графская дочка подарила нашему королю сына, которого тот нарек Фридрих Петторано. Не знаю, как в дальнейшем сложилась судьба этого бастарда, но при жизни они с отцом отчего-то друг друга жутко невзлюбили.

Королева Констанция же подарила нашему государю первенца, которого тот назвал в честь своего отца Генрихом⁵⁴, а приблизительно между этими двумя сыновьями, одна из фрейлин или служанок, не суть, родила ему дочку Катарину ди Марано. Впрочем, говорят, у трубадууров память получше? Правильно излагаю?

– Пока все правильно, друг мой. Единственно, с твоего разрешения, дополню, что бастард Фридрих Петторано погиб в 1239 году... Что же до Катерины ди Марано, то Фридрих время от времени навещал ее с матушкой. А когда дочке исполнилось то ли четырнадцать, то ли пятнадцать, выдал ее замуж за Джакомо ди Монферрато, маркиза ди Финале. Больше я о ней ничего не слышал.

Впрочем, позже мы, безусловно, составим список законных детей короля и его бастардов, но, прошу тебя, не забегай вперед. Мы только что начали рассказывать, как Фридрих нарушил конкордат и Папа поставил его на место, а потом вдруг скакнули в 1212 год.

– Точно, эка меня занесло, – оруженосец почесал в затылке. – Кстати, будут нас сегодня кормить или нет? – Он покосился на Рудольфио.

Тот ответил лишь издевательской улыбкой, мол, тоже мне, нашел слугу – так я тебе и побежал торопить поваров!

– Ну ладно, – пожал плечами Вольфганг Франц. – Мне-то что? Я и потерпеть могу, дело привычное, – он сделал паузу, уткнувшись взором в гобелен, где красивая донна дарила цветок своему рыцарю. – В общем, так. Фридрих был зол на Папу, – оруженосец поднял вверх палец. – Дело в том, что Иннокентий самолично ставил угодных ему епископов. Королю было бы плевать на это, ограничивайся власть оных пределами церкви. Но так повелось, что все эти служители Господа одновременно занимали и высокие посты в королевстве, а, следовательно, Папа решал, кто именно должен окружать короля.

Скажем для простоты, что, если бы по своей доброте Его Королевское Величество пожелал бы сделать своего воспитателя, моего дядю, казначеем, а своего бастарда канцле-

---

⁵⁴ Генрих VII Гогенштауфен (1211–1242) – старший сын императора Фридриха II, номинально король Сицилийского королевства в 1212–1217 годах, король Германии в 1220–1235 годах, герцог Швабии в 1217–1235 годах.

ром, – ему бы это не удалось. Так как все высокие посты занимали, занимают и будут занимать ставленники Его Святейшества, которых с теплых мест не выкорчует даже королевским указом. Потому что из-за трижды профуканного конкордата, как раз король-то и не указ! А что такое король, не имеющий ни на что права?! Может быть, дураку Оттону и такая власть была мила, лишь бы в короне да на троне, хоть с голым задом, но Фридрих от унижения мог только зубами скрежетать.

Да и было отчего! С одной стороны, внутри острова ураганят горные сарацины. Дороги контролируют шайки немцев из бывшей Оттоновой солдатни. Сунься на материк – и огребешь по полной от верных слуг старины Дипольда. Бароны, достаток которых позволял им содержать войско, пока Фридрих был маленьким, урвали себе приходы и поместья, являющиеся его наследными владениями, и теперь были готовы с оружием в руках отстаивать свое. Добавьте к этому придворную капеллу, канцелярию и семейный совет, где все только и делали, что подсиживали друг дружку, борясь за выживание самыми подлыми способами. Попробуй справиться со всем этим, когда тебе всего-навсего четырнадцать лет!

Но Фридрих не сдался, и уже в феврале 1209 года отдал приказ перепроверить раздачу привилегий на Сицилии и в Калабрии. Цель – по возможности вернуть королевскую собственность.

Первым пострадал лучший друг короля и самый близкий к нему человек добрейший канцлер Вальтер Пальяра и его семья. – Оратор картинно поклонился фамильным гобеленам. – Молодой король частично лишил его власти, а именно Вальтер к тому времени, ко всему прочему, занимал пост архиепископа Катании. Папа тут же отреагировал письмом с предупреждением, но на этот раз король оставил послание без ответа.

Затем наш Фридрих пригласил на освободившиеся должности людей, доказавших на деле свою преданность. Я не припомню всех имен, но он вызвал к себе владельца Патерно из Западной Катании, сеньора Пагануса Паризийского, графа Бутеры и принял его в так называемый семейный совет. Вслед за ним к Фридриху приехали епископ Ансельм из Патти и епископ Иоганн ди Чикала – верные слуги его отца. Он утвердил спасшего его из плена Дипольда фон Швайнспойнта, графа Ачерры, в должности капитана и верховного судьи Апулии и Терра-ле-Лаворо. А Берард стал архиепископом сначала Бари, затем Палермо.

Жесткая проверка привилегий все набирала и набирала обороты, так что в мае 1209 года на северо-востоке Сицилии вспыхнуло восстание. Многие, кто получил письменное требование явиться на королевский суд и добровольно отдать захваченное, не желали расставаться с тем, что имели, и тогда пятнадцатилетний король и все верные ему мальчишки свиты вскочили на коней, бросились в гущу сражения и одержали верх. Сказать невозможно, как был красив король с длинными золотыми волосами! Прекрасный, точно карающий ангел, он показал себя смельчаком, и мятежники были вынуждены отступить, пав перед ним на колени.

Мы ехали мимо строя коленопреклонённых баронов и их людей, когда Фридрих вдруг узнал кого-то среди них. Секунда – и он уже спешил и подал руку... Я присмотрелся. В пыльной одежде, с лицом запачканном кровью, перед королем, не зная куда деть глаза, на коленях стоял граф Поль Чикала – родной брат верного королю епископа Иоганна ди Чикала... Конечно же мятежники были прощены, после чего все как один сделались самыми яркими приверженцами короля.

По возвращении в Палермо Фридрих написал об этой битве: «Когда мы с большой силой проскакали через Сицилию, страх перед Нашей мощью сделал сынов мятежа, ненавидящих мир, такими мирными, что они со всей покорностью приняли бремя Нашего владычества и смиренно покорились Нашей власти. Вся страна радуется, и ликует народ в полноте мира...».

После этой победы, придавшей королю уверенности в себе, он, собственно, и отправился встречать свою будущую супругу вместе с ее рыцарями...

* * *

В этот момент отворились двери, и слуги начали вносить в зал еду и кувшины с вином. Константин немедленно отложил свою работу. Последние листы еще не просохли, так что пришлось присыпать их песком.

Анна сидела на своем месте, лениво ковыряя кусок хлеба.

– Нет аппетита? Странно, в твоём возрасте, я мог съесть целую лошадь, – оруженосец подвинул к Анне тарелку с похлебкой.

– Получалось? – безрадостно переспросила девочка.

– Кто бы мне дал целую лошадь? – осклабился тот.

– Мне так жаль королеву Констанцию... Вы все говорите, что она была хорошей женой нашему королю, но при этом у него бывали и другие женщины. Несправедливо. – Анна взяла ложку, но, должно быть, передумала есть и отложила ее. – Она ведь потеряла мужа и сына, а потом еще и это...

– Еще и брата. Он предводительствовал пятью сотнями рыцарей. Хороший был человек, я вам доложу! Эй, трубадур, а ты застал его сиятельство графа Альфонса Прованского?⁵⁵ Фридрих с ним сразу же сдружился, а он...

После успеха в подавлении мятежа, да еще и со свежими силами Фридрих измыслил навести порядок в родной Апулии. И что же? Вдруг, точно по волшебству, почти все его хваленые рыцари пали не на поле боя, а сраженные более страшным врагом – эпидемией!

– Бедная королева Констанция! – трубадур бросил в тарелку очищенную от мяса кость и, вытерев руку о собственную одежду, откинулся в кресле, наблюдая, как слуга наливает ему вина. – Ее приданое – пятьсот воинов за пару месяцев обратилось в прах! Если раньше она предполагала, что ее одиночество в чужих краях скрасит брат, теперь рядом не было даже его. И тут произошло то, чего не ожидал никто! – он поднял кубок и с удовольствием отхлебнул большой глоток. – Она обратила свой взор на юного мужа и вдруг поняла, что перед ней еще более несчастное и нуждающееся в ее заботе существо. Фридрих стал для нее и мужем, и братом, и другом, и вновь обретенным сыном.

Королева навела порядок в королевском замке Палермо. Теперь перед ней была четкая цель: ее муж должен жить среди любви и красоты. Все чаще, возвращаясь в замок, Фридрих спешил не в оружейную и не в столовую, не к лошадям или любимым соколам – прежде всего, он должен был встретиться с прекрасными глазами Констанции. Она выгнала нерадивых, вороватых слуг и наняла прилежных, знающих свое дело. Пригласила певцов и музыкантов. Во всем мире трубадуры пели песни во славу прекрасных дам, в Сицилии таких песен почти не звучало, но королева не сдавалась, день за днем окружая Его Величество заботой и вниманием.

Постепенно король привык рассказывать Констанции о том, как провел день. Деликатно и ненавязчиво супруга советовала что-то, припоминала похожие события в родном ей Арагоне или Венгрии, рассказывала о том, что прочитала, живя в монастыре. Для Фридриха, выросшего без женской ласки, само общение с Констанцией стало чем-то вроде откровения.

---

⁵⁵ Альфонс II Беренгер (1180–1209) – инфант Арагона, граф Прованса с 1196 г., граф Форкалькье с 1209 года, сын короля Арагона Альфонсо II и Санчи Кастильской.

Глава 11. Болезнь Анны

После обеда граф Манупелло неожиданно потребовал бумаги на проверку, после чего было разрешено отдыхать. Анна тут же отпросилась к себе и моментально уснула, попросив разбудить ее, когда господин Вольфганг Франц или Вальтер фон дер Фогельвейде пожелают продолжить диктовку.

Когда Константин пришел за сестрой, та металась в жару и никого не узнавала. Пришлось работать без нее, но Константин сначала запутался в ранее написанном, а потом извел всех просьбами повторять и говорить помедленнее. Мыслями парень находился далеко от летописи, и дело застопорилось. В результате все четверо сошлись в комнате Анны, а Рудольфио спешно удалился к Спруту.

– Я уже послал к девчонке своего личного лекаря, – сообщил хозяин замка, едва только перед Рудольфио распахнулись массивные двери. – Как же все глупо получается! Как нелепо... – с досады он топнул ногой. – Если Анна заразна, ее нужно тотчас отделить от остальных. Еще не хватало, чтобы из-за такой ерунды погибли оба наших свидетеля.

– Но ее брат?.. Он вряд ли согласится покинуть умирающую сестру... Если же вы заставите его силой, не факт, что после он продолжит свою работу. Мальчишка упряма.

– Если он хочет блага сестре, пусть молится. А сидеть возле постели и подносить целебный отвар могут и менее ценные слуги. Будем надеяться, молодой организм справится с болезнью. Лучший лекарь Апулии уже здесь.

Возле дверей зашуршало, и вошедший слуга шепнул что-то на ухо графу.

– Наш лекарь докладывает, что болезнь Анны не похожа на заразную. Тем не менее положение критическое. Сейчас девочка пришла в себя, но... Полагаю, это шанс.

– О чем вы? – не понял Рудольфио.

– Шанс использовать ее при гадании, какой же еще? – изумленно поднял брови Спрут. – Ты уже забыл, что она сама предлагала помощь? Анна идеально подходит для разговора с душами умерших – она девственница и в ней королевская кровь.

– Позвольте мне не тревожить мертвых! – порывисто прижал руку к груди Рудольфио.

– Тебе ничего не придется делать. Я все думал, как так получилось, что перед нашими летописцами появился призрак Его Святейшества. А это она... или, может быть, ее брат... С их помощью родственники уже неоднократно вопрошали судьбу, детям случалось бродить по коридорам времени... Поэтому неудивительно, что и здесь, где все вспоминают историю короля, кто-то из молодых фон Уршпергов, сам того не подозревая, ворвался в прошлое и показал его остальным. Это очень интересная тема!

– Но она больна! – не поверил своим ушам Рудольфио.

– Главное, что она жива. Девочку нужно усыпить. А когда она начнет засыпать, на границе между сном и бодрствованием мы заставим ее душу скользнуть в интересующее нас время – и, может, чудо повторится: прошлое снова посетит нас. По-моему, отличная идея! Не находите?

Рудольфио хотел возразить, но Манупелло уже вскочил со своего места и, накиннув на плечи валяющийся рядом бордовый плащ, застегнул его на ворота серебряной пряжкой в виде распятия.

– Пойдемте, она не заразна, – проникновенно заглядывая в глаза, пояснял граф. – Нам решительно нечего бояться. Впрочем... я как всегда тороплюсь. Скажите слугам, чтобы окурили Гобеленовый зал, – он на мгновение задумался. – Пусть жгут ветки можжевельника и полыни. И пусть ключница достанет из запасов можжевелевое масло – сами обмажемся. Но... перед этим местный священник сначала все равно пусть ходит с кадилом. И скажи, чтобы вся дворня и гости тоже во здравие девочки помолились. Даю на все про все два часа, а

потом принесете Анну фон Уршперг в Гобеленовый зал. Остальные к тому времени должны быть готовы к работе.

...Сначала Анну окружал густой туман, сквозь него она смутно различала лица. Но были это лица дам и господ с гобеленов, или склоненных над ней друзей и обитателей замка?.. Черты расплывались, превращались в другие... Голоса слышались нечетко, так, словно с ней разговаривали из-под воды. Мир плыл, извиваясь и размазываясь, закручиваясь в цветные потоки или растворяясь в серо-розовом тумане...

Девочке быстро надоело смотреть в эту переливающуюся перед ней неразбериху, и она сосредоточилась на самом ярком пятне, которое вдруг начало приближаться к ней, постепенно делаясь из сверкающе-белого золотым. Золотоволосый мальчик, чуть старше самой Анны, склонившись к ней, дотронулся длинными, как у ангела, волосами до ее щеки, и девочка тут же села на кровати.

Потом Анне сделалось неожиданно совсем плохо, и гадание пришлось отложить. Замковый лекарь был вынужден остаться со своей пациенткой до утра. Спрут, захваченный идеей непременно заглянуть при помощи Анны в прошлое, ходил сам не свой, но после общего молебна в замковой церкви все же велел летописцам продолжать свое занятие.

На следующий день все повторилось... Анна испуганно хлопала глазами, пытаясь сообразить, куда она попала и кто с ней. То есть сначала она видела лишь постоянно меняющийся туман, похожий на ягодный с молоком кисель, а потом из него словно вынырнуло лицо рыжеволосого парня, в котором девочка мгновенно признала своего короля. Немудрено! Если целый день говоришь о каком-то определенном человеке, что же удивительного, если он посетит тебя во сне?

Она села, ощущая под собой мягкую траву. Потрогала, помяла в руках отгоняющий бесов лист полыни, поднесла пальцы к носу и с удовольствием вдохнула полынный дух. Как же давно она не бегала вот так по лугам, не слушала птиц в лесу! Вокруг действительно был лес – дивный, с высокими деревьями и журчащим где-то неподалеку ручьем.

Высокий мальчик, по возрасту, возможно, ровесник Константина, опустился перед Анной на корточки и протянул ей плоскую с водой.

– Пей. Это тебя на солнышке разморило. Бывает. Хорошо, что уже привал. Я положил тебя в тень и платок смочил в воде... Мне матушка всегда мокрую тряпицу на лоб клала, когда голову напечёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.